

Владимир Пайлодзе

A soldier in a ghillie suit, camouflaged with green and brown leaves, stands in a misty forest. The soldier is holding an assault rifle and has a magazine with an American flag design. The background shows tall, thin trees and a soft, hazy light filtering through the canopy.

ЛЕСНОЙ
ПОСОХ

Владимир Пайлодзе

Лесной посох

<https://litres.ru/74184607>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывший командир спецназа Владимир Князь во время одиночного рейда в прифронтовой зоне натывается на пространственную аномалию. Вместо вражеского дрона он находит портал в X век и спасает детей древлян от набега печенегов. Вернувшись в Киев XXI века, он выясняет: артефакт, открывший портал легендарный Посох Рода не просто показал ему прошлое. Он полностью исцелил изношенное ранами тело, вернув ему двадцатипятилетнюю мощь. Но одного Князя мало. Чтобы спасти смертельно больную дочь боевого товарища Механика, он собирает старый отряд. Ветераны задействуют миллионные ресурсы золотого вагона, выкупают заброшенный советский пионерлагерь и маскируют шлюз под закрытую клинику нетрадиционной медицины. Перешагнув черту портала, бойцы проходят собственное омоложение и берут под защиту славянский род, признавший Владимира своим законным Владыкой. Рубикон перейден. Мосты сожжены.

Содержание

Глава 1. Лесной Хозяин.	4
Глава 2. Привет из XXI века.	28
Глава 3. Возвращение в Киев.	43
Глава 4. Медицинская тайна.	65
Глава 5. План Князя.	80
Глава 6. Село на краю мира.	99
Глава 7. Скала Акелы.	109
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Владимир Пайлодзе

Лесной посох

Глава 1. Лесной Хозяин.

Вокруг снова наступила та самая, родная тишина векового леса. Сегодня он был еще более угрюм и безжалостен, словно живой организм, готовый отвергнуть любой незнакомый предмет. Над головой нависла глухая, серая стена небес — небо было набрякшее от влаги и хмурых туч, обещающее дождь в любую секунду. Деревья здесь выросли не ради красоты, а как живые щиты: огромные ели-долгожители сплетали свои кроны так плотно, что даже в полдень внизу царил тяжелый, давящий зеленоватый полумрак. Воздух был густым и едким, пахло смолой, прелой листвой и чем-то древним — запахом времени, которое здесь остановилось.

Ноги утопали в бесконечном ковре из мокрого мха и прелой хвои. Каждый шаг превращался в борьбу за право существовать: мох был липким, как слизь, а хвоя — острой и колючей. Она глушила любой звук человеческой поступи, превращая присутствие живого существа в едва уловимый

шорох. Горелый, острый запах недавних боев — ванили и сгоревшего пороха — уже почти выветрился из этого места, уступив место привычным ароматам сырости грибного тлена и гниющей, разлагающейся древесины. Здесь пахло смертью старой смерти — той, что приходит не с выстрелом, а со временем.

Уже несколько недель я мерил шагами эти дикие, безрадостные заросли. После того как здесь отгремели ожесточенные, перемалывающие целые батальоны бои — выстрелы стояли такими плотными, что казалось: воздух сам сжимается от их грома — лес превратился в настоящий Клондайк для того, кто понимал ценность брошенного железа. Фронт откатился дальше на десятки километров, оставив после себя полосу отчуждения — мертвое пространство между линией обороны и тылом, где в спешке отступающие и наступающие войска побросали столько добра — техники, обмундирования, запаса продовольствия и боеприпасов, что при правильном подходе хватило бы на оснащение небольшой, но зубастой армии.

Одет я был по последнему слову суровой прифронтовой моды, позаимствованной у тех времен. Поверх тяжелого, пластинчатого бронежилета «Шкура дракона», плотно облегавшего торс и давившего на плечи привычной, удушающей тяжестью — он был словно вторая кожа после месяца дней

носки без смены — колыхались маскировочные лоскуты халата «Кикимора». Черные, зеленые и бурые полосы грубой ткани превращали мой силуэт в бесформенную, размытую деталь лесного пейзажа — заметить меня среди папоротников было делом почти невозможным, я становился частью чащи. На ногах — проверенные сотнями километров грязи боевые берцы с глубоким протектором, намертво стянутые шнуровкой до самого верха; ремни были затянуты так, что кровь в пальцах почти остановилась циркуляция. Это нужно было уберечь голеностоп от зацепа в буреломе, где каждая ветка могла стать смертельной ловушкой.

Нагружен я был как тяжеловоз, как породистая, выносливая выючная лошадь. Лямки сумок и ремень разгрузочного жилета врезались в плоть, оставляя красные борозды; суставы глухо постанывали на каждом подъеме, требуя невероятных усилий. Но сегодняшний улов приятно грел душу и заставлял игнорировать нарастающую физическую усталость.

Арсенал на мне висел такой, что любой патруль на блокпосту пришел бы в священный ужас. В руках, держа палец на скобе затвора, я бережно сжимал КМ-7,62 — модернизированный пулемет Калашникова. Он был готов в любую секунду огрызнуться длинной, глушащей лесные звуки очередью. На трехточечном тактическом ремне, мерно ударяя по бедру и покачиваясь с частотой шагов, качался его тяжелый со-

брат — пулемет «Печенег» с толстым, вороненым стволом. На груди, привычно упираясь магазином в ребра и вызывая постоянный дискомфорт при дыхании, устроилась снайперская винтовка СВД с оптикой, укутанной в мешковину от бликов. За спиной, глухо и как-то почти уютно постукивая друг о друга металлическими частями при каждом движении, висели два автомата АК-74 со сложенными прикладами. На поясе, в жестких пластиковых кобурах с клипсами на петлицах ремня, покоились два пистолета «Грач», а все свободные пазы разгрузочного жилета я до отказа забил наступательными гранатами, дымами и прочей смертоносной, но крайне полезной в хозяйстве мелочью.

Все магазины и пулеметные ленты были снаряжены под завязку, до характерного щелчка при захлопывании затвора. К моему огромному сожалению, найденные армейские деревянные цинки оказались вскрыты наспех — местными жителями или мародерами, топорами и пилами. Из-за этого патроны пришлось выгребать горстями из разбросанных коробок и распихивать буквально по всем карманам, под сумкам и даже в нагрудные бронежилет. Они глухо пересыпались при резких движениях, наполняя меня звуком собственной опасности. Командирская привычка не позволяла бросать то, что могло спасти жизнь или убить врага. То, что физически не унеслось на собственном горбу из-за огромной массы — я надежно, по всем правилам маскировки и такти-

ческой безопасности в этом мире, прикопал в сырую землю под корнями вывернутого ураганом дуба, сделав аккуратную заметку в памяти: позже обязательно вернусь с мешками.

В этих глухих краях я был далеко не единственным «пастухом». Охотников за военным хабаром после крупных замесов всегда хватало — мародеры всех мастей, дезертиры с пустыми карманами и просто лихие люди слетались на запах брошенного оружия, как стервятники падают с неба. Но у меня перед ними было весомое преимущество — знание местности и секретность перемещения. До моей личной, скрытой от чужих глаз базы оставалось пройти каких-то пять километров по пересеченной, местами заболоченной местности. Безопасность внешнего периметра обеспечивало старое, не учтенное ни в каких картах минное поле — «сюрпризы», щедро засеянные советскими саперами в годы войны. Местные обходили эти заросли седьмой дорогой, пуская шепотом слухи об оборотнях и леших — так проще было объяснить пропавшим без вести, а официальные саперы сюда не сунутся еще пару лет точно — у них работы в тылу непроворот, да и техника старая. А мою личную, петляющую между смертоносными зелеными «лепестками» и растяжками тропку пусть попробуют нащупать чужие ноги. Не нащупают — костей потом не соберут, а местным придется платить дань в виде урожая или скота.

Моя внутренняя, чисто интендантская жилка довольно урчала в груди вместе с сердечным ритмом. Я тащил к своему убежищу абсолютно всё, что в панике побросали обе противоборствующие стороны — и красные, и синие, не делая различий между своими и чужими марками оружия. Железо — оно везде железо, у него нет присяги и не знает границ государств. За эти недели в моем глубоком подземном схроне, оборудованном по всем правилам фортификации и инженерной мысли того времени — с системой вентиляции, фильтрами воды и запасами на полгода, скопилось столько стволов разных калибров — от ружей до пулеметов, цинков с патронами и сухпайками — что можно было без проблем, с нуля, вооружить пару стрелковых рот. И, если возникнет такая необходимость — например, при полном окружении или изменении политического ландшафта региона — я мог объявить о полной независимости отдельно взятого лесного хутора и стать для местных правителем или защитником.

Двигался я не спеша, с максимальной осторожностью и расчетливостью. Шаг за шагом перекаtywаясь с пятки на носок, стараясь не хрустнуть сухой веткой или сломать хрупкую кору. Каждые несколько метров я заводил корпус в сторону, меняя вектор движения на девяносто градусов и замирал чутко вслушиваясь в угрюмый шорох чащи. С таким запредельным весом за спиной и в руках я превратился в идеальную мишень для любого, кто мог бы меня обнаружить.

Нарвись я сейчас на чужой дозор или группу залетных мародеров — принять полноценный бой против нескольких десятков человек я просто не смогу из-за инерции движения. Быстро уйти с линии огня — тоже сложно, ведь каждый шаг будет отдаваться болью в костях. Сковывающая инерция пятидесяти килограммов железа делает меня неповоротливым, а выстрелы из автоматов пролетят сквозь броню как пулевая струя. За подобный хабар в этих краях пристрелят не задумываясь, без предупредительного выстрела в воздух — а остывающий труп прикопают под ближайшей березой или задушат в кустах, чтобы не привлекать внимание воронья и других охотников за трофеями.

В какой-то момент я полностью замер, превратившись в бесформенную кочку в своей «Кикиморе», и медленно огляделся сквозь кусты. Накатила звенящая, подозрительная, почти осязаемая тишина. Лес словно затаил дыхание. Самое время сделать короткий привал, сбросить пульс, перевести дух — выдохнуть накопившийся адреналин, чтобы не выдавать себя перед финальным рывком до минного периметра базы.

Проскользнув через густые, колючие заросли дикого малинника — надежно скрывавшие меня со всех сторон, кроме направления движения к базе — я аккуратно, стараясь не греметь антабками и цепляться за ветки руками в перчатках,

скинул с плеч тяжелую ношу. Лепота! Спина блаженно распрямилась, раздался сухой хруст позвонков и ребер. Руки, освободившись от тяжести пулемета «Печенег», моментально ослабели и мелко дрожали от дикого перенапряжения. Промелькнула трусливая, но честная мысль бросить половину этого ржавого тяжеленного железа прямо здесь, под кустом или в яму — но въевшийся в подкорку за годы службы инстинкт тылового интенданта жестко приказал: тащи всё, на том свете патронов не выдадут.

Не успел я толком устроиться для отдыха на поваленном, покрытом мохом стволе вековой ели — как взгляд зацепился за странное, бьющее по глазам несоответствие в окружающем пейзаже. Охотничье, звериное чутьё — натренированное годами засад и выживания в дикой природе, буквально завопило об опасности. Кожа на затылке покрылась мурашками — холодный пот пробежал по спине, несмотря на жару. Я прекрасно знал этот квадрат леса из памяти — вокруг должен был тянуться сплошной, непроходимый бурелом из вывороченных корней и серого валежника. Однако чуть сбоку, буквально в десяти шагах от меня — прямо сквозь странную, неподвижную белесую дымку которая не расходилась от дыхания — отчетливо просматривался залитый ярким, нездешним солнцем сочная зеленая поляна. Густая трава там лоснилась, переливаясь всеми цветами радуги под лучами солнца — а ведь никакого тумана или марева

в лесу сегодня не было и в помине. Воздух над поляной казался более плотным, почти хрустальным — он вибрировал от невидимых лучей.

Неугомонный, суровый характер и ввевшаяся в кровь командирская привычка лично проверять любые странности на вверенном участке не дали отсидеться в кустах и ждать, пока это само рассосется. Ругаясь сквозь зубы глухим хриплым шепотом, я снова подхватил всё оружие — которое только что с таким облегчением разложил на траве, привычным движением проверил затвор пулемета и осторожно пригнувшись — двинулся к границе аномалии.

Прямо на стыке хмурой чащи и белесой дымки в землю был глубоко, почти до самого корня воткнут массивный деревянный посох. Старое потемневшее от времени дерево, покрытое странными полустертыми глубокими узорами — они казались выжженными огнем или высеченными невиданным инструментом. Как я умудрился не заметить этот полутораметровый столб в упор всего минуту назад — уму непостижимо, разум отказывался верить. Медленно держа пулемет наготове у бедра — ствол направлен в сторону чащи, я обошел странный предмет по широкой дуге. Иллюзия была пугающе, до тошноты четкой: с одной стороны от посоха простиралась совершенно незнакомая залитая летним зноем поляна с цветами и бабочками, а с другой — мой род-

ной хмурый пахнувший гарью и загаженный войной лес.

Оставаясь стоять на своей привычной стороне — я перехватил тяжелый ствол левой рукой, протянул правую затянутую в тактическую перчатку с обрезанными пальцами — и ухватился за прохладное шершавое дерево посоха. Сжав пальцы до побеления костяшек, я с усилием потянул его вверх — дерево не вырывалось из плотного грунта, словно корни были вросли в землю намертво.

Картинка перед глазами резко болезненно дернулась, словно сломался кинескоп старого советского телевизора. Воздух вокруг беззвучно но ощутимо хлопнул по барабанным перепонкам — давление в ушах изменилось, зазвенело. Солнечная поляна мгновенно — в долю секунды испарилась, словно ее и не было. Вокруг снова сомкнулся мой унылый серый бурелом — тишина вернулась, но теперь она звучала иначе.

Я лихорадочно огляделся по сторонам вскидывая оружие и сжался от нехорошего ледяного предчувствия. На земле у моих ног — там, где я только что стоял спиной к поляне не хватало тяжелого тулова «Печенег», который я положил на траву чуть раньше. Осознание пришло быстро и ударило по мозгам злостью: пулемет остался лежать там на той стороне — на исчезнувшей солнечной поляне. Оружие растворилось

вместе с чужим миром, как вода в песке.

Сжав зубы так что хрустнули челюсти — я замахнулся и с силой вбивая всем весом своего тела воткнул деревянный посох обратно — на то же самое место. Реальность вокруг снова ощутимо осязаемо мигнула перед глазами на секунду поплыли серые круги. Плотная дымка соткалась из ниоткуда проявилась залитая солнцем яркая трава а вместе с ней — мой родимый вороненный брошенный на той стороне «Печенег». Портал снова был открыт.

Сердце в груди застучало быстрее — глухими мощными толчками гоня кровь по жилам. Понимая что наткнулся на нечто совершенно невероятное выходящее за рамки законов физики и здравого смысла я затаил дыхание перешагнув невидимую границу — оказался на той стороне.

Ради жесткой прифронтовой чистоты эксперимента я решил повторить все действия в строгом обратном порядке. Теперь я оставил свой основной модернизированный пулемет на «своей» заплеванной войной стороне — а сам с «Печенегом» наперевес зашел на солнечную поляну. Всё подтвердилось с идеальной математической точностью: когда я вытаскивал засечки деревянного древка из грунта находясь на лугу мой привычный хмурый лес исчезал без следа оборачиваясь глухой стеной неизвестной чащобы. Но стоило вер-

нуть артефакт на место — и портал послушно разворачивался обратно являя серые заросли малинника.

Я стоял посреди незнакомого залитого чистым ультрамагрином луга жадно вдыхая воздух. Он был совершенно другим — густым пахнущим медовым разнотравьем дикой свежестью и грозovým озоном. Ни намек на солярный выхлоп гарь или химический привкус сгоревшего пороха. В голове крутилась только одна сквозная мысль: куда черт возьми ве-ла эта невидимая дверь? В другую область на другой континент или в другое время — когда люди ходили с посохами и вершили судьбы?

Может кто-то другой на моем месте плюнул бы на всё перекрестился и припустил прочь испугавшись мистики чертовщины. Но только не я — опыт горячих точек научил меня простой истине: если непонятное явление можно использовать с выгодой — его нужно использовать. Да и как тут уйдешь когда во время этих тактических прыжков туда-сюда я отчетливо заметил одну поразительную вещь. Тяжелая свинцовая усталость только что наливавшая мышцы и ломавшая суставы после многокилометрового марш-броска бесследно испарилась. Будто и не было сорока килограммов оружия на горбу — тело ощущало себя легким как перо. На душе сделалось удивительно легко а въевшийся в подкорку инстинкт старого снабженца не просто подал голос — он вопил на ульт-

тразвук: «Братъ надо! Живѣемъ братъ! Наше!».

Решено. Я жестко перехватил прохладное покрытое узорами дерево с силой выдернул посох из земли и закинул его ремнем за спину — рядом с автоматами.

То что происходило дальше не поддавалось логике и пониманию современному человеку в двадцать первом веке. До базы я не просто шел — я буквально летел по лесу с такой невероятной звенящей легкостью какую помнил разве что в далекой курсантской юности добрых тридцать лет назад. В мои пятьдесят пять лет избитое осколками изношенное маршами тело уже давно позабыло что можно передвигаться настолько стремительно плавно и безболезненно. Старые травмы коленей обычно нывшие к дождю затихли — я сделал шаг и не почувствовал старой боли. Я скользил между вековыми стволами словно бесплотный лесной дух: ни один кустик не колыхнулся вслед — я пролетал сквозь них на скорости. Ни один сухой лист не зашуршал потревожив мертвую тишину — земля словно сама принимала мой вес гася любые звуки.

Знакомую петляющую между смертоносными минами-«лепестками» тропку я пролетел на одном дыхании даже не сверяясь с ориентирами. В мгновение ока я оказался у замаскированного входа и скользнул под тяжелую обитую брезентом засыпанную дерном перемычку своего подземно-

го блиндажа. Схрон встретил меня привычным запахом оружейного масла сухой земли и надежности — запах дома, где можно выдохнуть.

Захлопнув за собой тяжелую обшитую двойным слоем брезента уплотненную поролоном маскировочную дверь — я задвинул массивный стальной засов и облегченно со свистом выдохнул. Все периметр закрыт. Вот теперь в относительной безопасности можно было наконец привести себя в порядок сбросить адреналин и нормально отдохнуть.

Конечно душ в моем подземном жилище был самым простым походным — сваренный из листового железа, пластиковый бак на пятьдесят литров под самым потолком да простейшая лейка с пластиковым краником. Греть воду времени не было — но даже такая суровая роскошь после многодневных автономных рейдов возвращала к жизни лучше любого алкоголя. Скинув с себя пропотевшую пахнущую прелой травой «кикимору» тяжелую настывшую «шкуру дракона» и забитую до отказа разгрузку — я шагнул на дощатый настил под прохладные тугие струи воды.

Вода приятно бодряще била по иссеченным плечам — смывая грязь и пот. По многолетней въевшейся в кровь привычке я опустил ладонь к правому бедру чтобы помассировать старую раздробленную в одном из прошлых замесов

травму — нога обычно сильно изнуряюще ныла после любых длительных нагрузок. Пальцы привычно скользнули по мокрой коже но не нащупали ничего. Вообще — абсолютно никаких шрамов, рубцов или неровностей ладони уперлась в ровную гладкую мышечную ткань.

Я удивленно едва не поскользнувшись устоялся вниз через водяную пелену. Глубокого уродливого багрового шрама после сложной хирургической операции на бедре просто не было. Колено и сустав двигались абсолютно свободно мягко без привычного глухого болезненного пощелкивания.

Похолодев от внезапного мистического предчувствия я потянулся дрожащей рукой к шее где пониже уха всегда сидел рваный осколочный след. Кожа там оказалась упругой и ровной будто ее никогда не касалось раскаленное железо. Сама кожа на ощупь казалась совершенно другой — молодой эластичной плотной будто с меня одним махом как грязную шинель скинули добрых два десятка лет. И самое поразительное от чего у меня перехватило дыхание: весь этот беглый осмотр я проводил собственными глазами отчетливо и резко видя каждую мелкую каплю воды на стенах в полумраке блиндажа. А ведь еще утром чтобы рассмотреть карту или мелкий шрифт на цинке мне обязательно понадобились бы очки — зрение было плохим, плавилось. А теперь оно вернулось к идеальной звенящей единице — я мог раз-

личить каждую трещинку на камне.

Быстро закончив с водными процедурами я натянул свежее термобелье и чистый камуфляж. Сердце колотилось в грудной клетке как безумный метроном — ритм был сбивчивым, нервозным. Медлить больше не имело практического смысла пришло время для серьезных контролируемых экспериментов — нужно было понять природу этого артефакта и его влияние на реальность.

Я уже был занес руку над прислоненным к стене посохом — намереваясь вогнать его в земляной пол блиндажа но вовремя остановился. Тяжелый ледяной пот мгновенно прошиб спину — холодный как смерть, несмотря на жар воды.

Стоп командир отставить! В замкнутом пространстве подземного бункера такие фокусы были смертельно противопоказаны. Если чужая реальность начнет расширяться или наоборот схлопнется прямо здесь под землей — меня просто похоронит заживо под тремя накатами тяжелых бревен и тоннами слежавшегося грунта. Никакой внутренний интендант тогда не спасет — откопать будет некому, никто услышит крик. Из точки укрытия всегда должен быть свободный чистый путь для экстренного отхода — это закон выживания любой ценой.

Сжав зубы до скрежета я накинул на плечо ремень верной СВД подхватил свободной рукой тяжелое надежное тулово «Печенега» взял загадочный артефакт под мышку и осторожно выбрался наружу сквозь маскировочный лаз на свежий прохладный воздух леса. Отойдя на безопасное расстояние от входа в блиндаж — где я оставил запасной выход и несколько гранат-фугасов на случай взрыва — надежно укрывшись в густом непролазном подлеске я сделал глубокий успокаивающий вдох. Правой рукой крепко до побеления суставов сжал шершавое покрытое резьбой дерево посоха и с силой воткнул его острое основание в сырую лесную землю.

Воздух привычно беззвучно хлопнул по ушам — но на этот раз никакой знакомой солнечной поляны перед глазами не появилось.

Едва серая замерзшая дымка рассеялась уступив место новой реальности передо мной предстал пологий густо заросший плакучим ивняком сочной осокой берег извилистой неширокой речушки. Вода в ней катилась неспешно и была настолько чистой хрустальной что на дне просматривался каждый речной камешек и лениво шевелящие плавниками рыбины. Воздух здесь был неподвижен густ и пах речной тиной мокрым песком дикой кувшинкой — запах был чистым, живительным. Посох открыл дверь совсем в другое место —

не во времени и пространстве как я думал.

Убедившись через прорезь прицела что под подошвами берцев плотная надежная почва а не зыбун — я сделал осторожный шаг вперед полностью пересекая невидимую границу. За моей спиной в малиннике привычно шумела родная хмурый лес но и здесь на этом незнакомом берегу насколько хватало взгляда плотной зеленой стеной тянулся точно такой же бескрайний могучий не тронутый топорной вырубкой бор. Деревья-великаны уходили вершинами прямо в чистое небо — я никогда не видел такого леса. Я перехватил тяжелое древко артефакта поудобнее и с усилием потянул его вверх вырывая из грунта.

Реальность вокруг беззвучно плотно сомкнулась — картинка малинника и проход к родной базе исчезли в то же мгновение наглухо отрезая путь назад. Обратного шлюза больше не было — я остался один на одном берегу с неизвестностью и новыми правилами игры. И именно в эту секунду прямо передо мной обнаружились живые люди — совсем не такие как я.

На заросшем густой осокой берегу стояли двое — совсем молодой худощавый паренёк и девушка чуть постарше. Они уставились на меня с таким диким звенящим первобытным ужасом словно прямо из речной тины перед ними восстал

сам повелитель преисподней. Их можно было понять — они видели во мне чужака, угрозу всему их миру и порядку. Из ниоткуда буквально соткавшись из воздуха перед ними вырос огромный плечистый мужик в шуршащей колыхающейся зеленой «кикиморе» закованный в тяжелую угловатую броню. Из-за плеча торчал ствол снайперской винтовки в руках покоилось грозное вороненое железо пулемета а лицо частично скрывал маскировочный грим — он казался им монстром из сна.

Оба подростка лихорадочно со свистом глотали ртом воздух и испуганно совершали руками быстрые ломанные дрожащие движения. Они то ли истово судорожно крестились на непривычный манер — руки подняты вверх ладонями внутрь то ли чертили в воздухе какие-то древние языческие обережные знаки пытаясь призвать защиту предков от лесного духа. Их губы мелко тряслися а лица под слоем дорожной пыли побелели до цвета предсмертного савана. Девушке на вид было лет восемнадцать — невысокая крепкая ладно сбитая круглолицая с толстой темно-русой косой перекинутой через плечо. Она была одета в простую перехваченную веревкой домотканную рубаху со следами гари на подоле а на ногах хлюпали мокрые поршни из сыромятной кожи. Преодолевая парализующий липкий страх она упрямо из последних сил пыталась задвинуть худощавого мальчишку себе за спину — пригибая его к земле и закрывая своим

телом от неминуемой гибели.

— Хозяин Леса, не губи нас! — вдруг звонко, навзрыд, срываясь на глухой плач, проговорила она и с размаху бухнулась передо мной на колени, прямо в мокрую, холодную прибрежную траву. — Пропусти нас, батюшка, умоляем! На село наше тати лихие напали, мы за подмогой в город бежим! Спят ведь всё дотла, родичей в полон угонят, погубят!

В моем мозгу мгновенно, привычным багровым светом зажглась аварийная лампа профессионального военного. В голове творилось нечто глубоко странное, противоестественное. Звуки, слетавшие с ее губ, были непривычными, гортанными, архаичными, а артикуляция рта совершенно не совпадала с теми словами, которые я воспринимал. Но я понимал её! Понимал абсолютно четко, до малейшего полутона, будто в ухе стоял ультрасовременный армейский чип синхронного перевода, переводящий древний славянский диалект на понятный уставной язык.

Ткань реальности окончательно потекла, но многолетний опыт горячих точек научил меня главному правилу выживания: в любой непонятной ситуации — адаптируйся, сохраняй холодную голову и доминируй. Мозг за доли секунды обработал входящие данные: «тати» — значит банда или вражеский отряд, «полон» — захват заложников и рабство, «го-

род» — ближайший административный центр. Нападение на населённый пункт в процессе выполнения.

Я решил подыграть ее страху. Нам нужно было закрепить-ся в этом мире, и эта критическая ситуация подходила как нельзя лучше.

— Встань, красавица, — я постарался придать своему голосу максимум ледяного спокойствия и густого, авторитетного командирского баса, от которого обычно трепетали молодые лейтенанты. — Поднимись и поделись бедою своей без лишних слез. Рассказывай четко: кто напал, сколько стволов то есть мечей, и как далеко ваше село? Может, сумею помочь чем. Или подсказать, как быть.

К моему глубокому удивлению, девчонка тоже меня поняла — её заплаканные глаза округлились, в них испуганной молнией промелькнула безумная, отчаянная надежда.

Точно, чертова магия деревянного артефакта, ломающая любые языковые барьеры. Но вместо того, чтобы подняться на ноги, она судорожно ухватила за порты своего маленького спутника и силой утянула его на колени рядом с собой, прямо в прибрежную грязь.

— Лесной Хозяин, — запричитала она, складывая онемевшие от холода руки в умоляющем жесте перед грудью.

— Напали на весь нашу печенеги! Охотники наши, мужики крепкие да дозорные, еще три дня назад в дальние уголья ушли, за зверем. В весях одни старики немощные остались, бабы да детишки малые. Тын у нас старый, низкий, гнилой совсем — не выдержит он натиска поганых, сомнут конями!

Я непроизвольно опустил взгляд на тяжелое, матово-черное тулово пулемета в своей правой руке. «Печенег». Настоящий, модернизированный, с тяжелым стволом и полным коробом злых, со стальным сердечником патронов калибра 7,62. Ну надо же, какое концептуальное, зловещее совпадение. Судьба — та еще циничная шутница. Будем вышибать клин клином.

— А куда за подмогой-то бежали? — нахмурился я, на ходу прикидывая тактические вводные и оценивая глубину чужого леса. — Далеко до вашего города?

— Как луна по середке неба встанет, так аккурат до ворот доберемся! — поспешно, глотая слезы, ответила девушка.

— Так поздно уже будет, — отрезал я ледяным тоном, прикинув в уме хронометраж. — Пока вы добегите, пока тамошний воевода со своей колокольни рать соберет, пока до вас дойдет. От вашего села к тому времени одни головешки дымящиеся останутся да бабы в колодках.

Оба подростка обреченно опустили глаза в землю. Девчонка тихо, бессильно всхлипнула, плечи паренька покорно повисли. Мой суровый, лишенный жалости расчет заставил их осознать страшную правду: они не успели, они опоздали.

Поправив на плече тяжелый брезентовый ремень СВД, проверив большим пальцем, легко ли выходит «Грач» из тактической кобуры на бедре, и коротко, сочным металлическим звуком звякнул затвором пулемета, досылая патрон в патронник. Внутренний интендант недовольно, тоскливо пискнул, предчувствуя невосполнимую трату драгоценного боекомплекта XXI века, но командирская совесть быстро и жестко заткнула ему рот. Оставлять детей и баб на растерзание степным стервятникам я не собирался. Не по моим понятиям это. У меня были свои принципы, и они не менялись от смены тысячелетий.

— Ладно, горемычные, поднимайтесь, — скомандовал я, разворачивая массивный корпус в сторону предполагаемой угрозы. — Ведите. Посмотрим, что там у вас за дела творятся и какие такие печенег к вам в гости без приглашения пожаловали. Примем визитеров по высшему армейскому разряду.

Я привычным движением поправил тактический шлем,

проверяя, чтобы экшн-камера на лбу работала исправно — запись велась непрерывно, на случай если придётся потом разбирать тактические ошибки.

Это пилотные главы данного романа, жду ваши комментарии.

"Уважаемые читатели! Если вам интересен роман, обязательно нажмите кнопку "Мне нравится" и добавьте книгу в библиотеку и обязательно подпишитесь на автора, то бишь меня. Это очень поможет развитию истории! Спасибо!"

Глава 2. Привет из XXI века.

Бежать, обессиленная от дикого страха и долгого пути молодежь уже физически не могла — ноги у них подкашивались, дыхалка сорвалась. Тяжелые мокрые поршни из сыромятной кожи прилипли к ногам, превращаясь в неудобные сапоги-тапки. Каждый шаг давался с невероятным усилием, словно они тащили на себе тонны груза. Но мы задали максимально возможный в этих условиях темп, стараясь не отставать. Быстрым, размашистым, командирским шагом мы направились обратно, вглубь векового бора. Ветер гнал сквозь чащу холодный запах хвои, смоченной росой и пропитанного гнилью. Деревья-великаны, словно мрачные стражи времени, неумолимо сжимали проход своими разросшимися корнями и ветвями, отбрасывая длинные тени на мокрый мох.

По дороге, стараясь держать ровный ритм и не сбивать дыхание, я аккуратно короткими фразами расспрашивал своих спутников. Голос мой звучал спокойно, но внутри затаилась стальная тревога: каждый их ответ был кирпичиком в стене, которую мы строим против неизвестности. Выяснилось, что девушку зовут Чаяна — имя звучало хрупко и мелодично на этом жестком языке, словно лепесток цветка. Мой загадоч-

ный внутренний толмач привязанный к посоху тут же услужливо подбросил в сознание ментальную справку: на местном архаичном наречии это означало «долгожданная». Как ирония судьбы: долгожданный спаситель или обреченный призрак им выпал ввиде меня? Мальчишку же звали Тихомир — и это имя говорило само за себя. Паренек, несмотря на пережитый ужас молчал, сжав зубы до боли в деснах. Он упрямо старался поспевать за моими тяжелыми берцами, но его худощавые ноги с каждой секундой все больше отставали. Он дышал прерывисто, его живот поднимался и опускался рваными толчками.

Село, из которого они бежали в таком диком отчаянии, по здешним средневековым меркам считалось не маленьким — целых пятнадцать дворов, обнесенных общим наспех сбитым деревянным частоколом. Бревна были сырыми, не проконопаченными дегтем; воздух вокруг них пах кислым смолистым запахом, смешанным с гнилью. На ходу стараясь не сбивать дыхание Чаяна поведала мне горькую историю своих сородичей. Её голос дрожал, пересыхал в горле от слез и страха.

Оказалось, в этих глухих дебрях укрывались одни из последних уцелевших семей гордого племени древлян. Большая часть их некогда великого и воинственного народа давно покинула родные лесистые земли, инстинктивно спасаясь

от кровавой ярости киевской княгини. Ольга, мстя за лютую смерть своего мужа Игоря огнем и мечом прошла по древлянским погостам, безжалостно выжигая города и веси до самого основания. Тех кто не успел сбежать на запад к германцам или скрыться в самых непроходимых топких чащах, киевские дружины убивали на месте или пачками продавали в рабство на невольничьих рынках за море. Из-за этой нескончаемой безжалостной резни взрослых боеспособных мужчин у них в роду практически не осталось — только калеки, женщины да дети.

Я слушал её рассказ сжимая челюсти. История древлян была не просто хроникой событий, это был приговор целому народу — народному геноциду. В голове у меня прокручивалась карта тех времен: Ольга Святая, княгиня киевская. Её месть была несправедлива и жестока, но в военном деле она действовала с холодной эффективностью. Я помнил уроки истории из двадцать первого века, но здесь они приобретали жуткую осязаемость.

Степные хищники — печенег — забрели в эти глубокие лесные дебри абсолютно случайно. Чаяна божилась, что отыскать дорогу к их затерянному среди болот поселению чужаку почти невозможно, но этот конный отряд, судя по всему, попросту дезориентировался и заблудился в буреломе. Наткнувшись в чаще на едва заметную звериную тропку,

степняки пошли по ней, как гончие по следу, и уперлись аккуратно в деревянные ворота.

Единственное, что спасло древлян от мгновенной и поголовной резни — дозорные успели вовремя заметить чужаков и с треском захлопнуть тяжелые дубовые створки. Печенегов пришло около полусотни сабель — это была целая рота по меркам моего времени. Едва выскочив из лесной тени к стенам, кочевники не стали с ходу лезть на бревна, а принялись плотно осыпать поселение стрелами из своих тугих композитных луков. Первая же пущенная стрела нашла цель: старого деда Храбра присматривавшего за засовами ворот, убили наповал — каленая сталь пробила горло стоило его седой голове показаться над тыном на секунду. Поняв что дело дрянь и стены долго не продержатся бабы спешно снарядили Чаяну в дорогу — бежать через потайной лаз у реки за призрачной подмогой к соседям. А испуганного Тихомира она подобрала уже в лесу: малец от ужаса забился в колючие кусты неподалеку, и девушка резонно побоялась оставлять его одного на растерзание рыщущим по округе конным разъездам.

Примерно за час этой изнурительной на пределе сил подростков спортивной ходьбы, мы наконец добрались к опушке выходящей на окраину села. Воздух здесь уже отчетливо горчил дымом, доносился протяжный бабий плач и

чужой гортанный говор. Звуки смешивались в какофонический хор отчаяния и хищного веселья.

Степняков действительно оказалось около полусотни — полноценный кавалерийский взвод по меркам моего времени, но без тяжелого вооружения и дисциплины. Они вольготно, кучно расположились на поляне прямо перед частоколом, громко перекрикиваясь, гогоча и методично осыпая тын градом стрел. По их довольным, лоснящимся рожам было сразу понятно: для них эта осада беззащитной веси — чистой воды развлечение и легкая добыча. Редкие, неумелые стрелы, летящие в ответ со стороны деревни из детских или старых луков, мародеров только веселили. При этом рисковать своими верными конями они не собирались — кочевники предусмотрительно стреножили табун у самого дальнего края поля, под защитой вековых, раскидистых деревьев, оставив там лишь пару часовых.

Чаяна, испуганно вытягивая шею из-за моего плеча и дрожа всем телом, прошептала мне на ухо, что тати просто тянут время. Они ждут, пока их товарищи в чаще свяжут из березовых жердей первые штурмовые лестницы, чтобы разом хлынуть через забор.

В моей голове мгновенно развернулась привычная трехмерная карта боя тактическая модель нарисовалась в воз-

духе невидимой чернилами. Пятьдесят человек против пятнадцати дворов и женщин с детьми. Кучность высокая, кони в стороне от линии огня — значит мобильная часть противника недоступна для немедленного уничтожения. Тактическое преимущество полностью на моей стороне пока работает фактор внезапности и подавленность противника. Я медленно опустился на одно колено утапывая мох тяжелым берцем и аккуратно снял с плеча снайперскую винтовку СВД. Оружие было тяжелым, холодным и надежным — в отличие от хлипких стрел печенегов.

— Так, молодежь, — тихо, одними губами скомандовал я, не оборачиваясь. — Ложись в траву и не отвечивай. Что бы ни произошло, какие бы громы ни загремели — лежать смирно и носа не показывать. Поняли?

Чаяна и Тихомир испуганно закивали, едва не вжались лицом в холодную землю округлив глаза. Они боялись моего взгляда, как огня или яростного зверя.

Я прислонил винтовку к поваленному стволу создавая идеальный упор мягко снял защитный чехол с оптического прицела ПСО-1 и прильнул глазом к резиновому наглазнику. В окуляре мира сузилась до размера монетки, а в перекрестии прицельной сетки отчетливо проявилось широкое скуластое лицо печенег в грязном кожаном малахае, который

что-то орал своим людям размахивая кривой саблей. Похоже местный бугор, командир отряда, его глаза горели злым огнем предсмертной ярости.

Пальцы в тактической перчатке мягко легли на спусковой крючок. Внутренний интендант предсмертно пискнул подсчитывая дефицитные патроны калибра 7,62 но я приказал ему заткнуться. Первый выстрел должен быть идеальным шоковым Чтобы эта степная сволочь сразу поняла: в этих лесах они больше не хищники. Они — дичь которую собирают по зернышку, пока она еще жива и способна к сопротивлению.

Повернувшись к своим притихшим замершим от ужаса спутникам я коротко жестко бросил:

— Из леса ни шагу. Дышать через раз.

После чего я привычным движением поправил лямки тяжелой разгрузки, проверил баланс оружия и уверенно во весь рост шагнул из тени подлеска на открытое залитое солнцем поле. Я пошел напрямиком на нападавших мерно втаптывая берцами сочную прибрежную траву. С каждым шагом звук шагов становился отчетливее, эхом разносясь по лесу.

Меня заметили далеко не сразу — маскировочные лос-

куты кикиморы до последнего размывали силуэт на фоне опушки. Степняки всполошились лишь тогда, когда между мной и полусотней конных лучников осталось каких-то семьдесят метров — идеальная дистанция для кинжального огня.

Над поляной возникла короткая, звенящая, почти осязаемая пауза. Кочевники ошарашено, разинув рты, разглядывали двигавшееся на них странное, мохнатое зеленое чудовище, закованное в угловатую броню. Наконец один из них — судя по дороговому, отороченному лисьим мехом малахаю и уверенным повадкам, местный десятник — что-то гортанно, яростно гаркнул своим людям. Мой внутренний ментальный переводчик лениво, с задержкой в долю секунды адаптировал чужую речь:

«Я лично отрежу бабку этому лесному духу!» — и степняк слитным, хищным движением вскинул лук, до отказа натянул тетиву и выпустил стрелу.

И вот тут реальность Древней Руси круто, неестественно изменила свой привычный ход. Окружающий мир будто погрузился в плотный прозрачный кисель. Выпущенная стрела летела ко мне в каком-то невероятном, гротескно замедленном воспроизведении, лениво прокручиваясь в воздухе оперением и едва заметно колеблясь стальным наконечником. Я

совершенно спокойно, без суеты опустил деревянный посох на примятую траву у своих ног, сделал плавный, ленивый шаг в сторону с траектории полета и левой рукой, затянутой в тактическую перчатку, мягко, словно на курсантской тренировке, поймал летящее древко у самого острия.

В ту же микросекунду невидимый режиссер реальности с размаху нажал на кнопку «play». Время запустилось вновь с привычной, оглушительной скоростью. Печенеги удивленно, глупо захлопали глазами, совершенно не понимая, куда в одно мгновение делся их смертоносный снаряд. Я же небрежно, с легким, издевательским зевком отбросил пойманную стрелу в сторону и поудобнее, по-пулеметному перехватил тяжелую рукоять своего «Печенега».

Из сгрудившейся, зашумевшей толпы кочевников у частокола вышли трое или четверо самых ретивых воинов. На ходу вытягивая из кожаных колчанов новые стрелы, они начали неспешно готовиться к залпу, собираясь разом нашпиговать железом наглого одиночку. Не знаю, как другим, а мне с моих военных кампаний, сожженных бэтээров и непроглядной грязи, очень не нравилось, когда меня выбирали в качестве беззащитной мишени. У меня на этот счет имелись твердые, выжженные в подкорке принципы.

Модернизированный пулемет Калашникова зло, хрипло и

оглушительно высказал кочевникам мое крайнее неудовольствие. Очередь пошла плотно, веером, слева направо, как учили на полигонах. Раскатистый, громоподобный грохот тяжелого калибра 7,62 разорвал девственную тишину десятиго века в мелкие клочья, выплевывая в степные рожи тонны моего накопленного за долгие годы негодования, вместе со свинцом, пламенем и едкими пороховыми газами. Оружие XXI века работало безупречно, сокрушительно перемалывая кости, кожаные доспехи и щиты.

Когда сизый дым над примятой травой немного рассеялся, желающих высказаться против моего командирского недовольства в радиусе пятидесяти метров как-то резко и кардинально не осталось. Наземная группа противника была фактически помножена на ноль за несколько секунд. Поляна перед тыном превратилась в багровое месиво, от которого веяло жутким запахом раскаленного мяса и гари.

Чуть в стороне, у самого среза леса, замерла последняя четверка кочевников — как раз те, что тащили из чащи свежесвязанные березовые лестницы для штурма. Они стояли как вкопанные, выпучив глаза и тяжело дыша, переводя дикий, парализованный ужасом взгляд со скошенного в фарш передового отряда на меня. Я аккуратно, с тихим щелчком опустил пулемет на металлические сошки прямо в грязь, перехватил висевшую на трехточечном ремне снайперскую

винтовку СВД и дружески, по-командирски помахал оцепеневшим парням свободной рукой.

К моему искреннему сожалению, международный армейский жест мира эти степные деятели истолковали в корне превратно. Бросив свои березовые лестницы прямо в грязь, выжившие печенег с дикими, гортанными воплями ломались обратно в спасительную зеленую чащу. До спасительной опушки им оставалось отмахать каких-то метров пятьдесят, но страх перед «лесным духом» был сильнее жажды мести.

«Не бегай от снайпера — умрешь уставшим», — цинично вспомнил я старую, проверенную временем армейскую мудрость.

Я плавно, на полувыдохе вскинул приклад СВД к плечу, поймал в сетку прицела ПСО-1 спину первого беглеца и мягко нажал на спуск. Винтовка Драгунова звонко, хлестко огласила окрестности четыре раза подряд, выплевывая гильзы в примятую осоку. До леса не добежал никто. Тяжелая армейская пуля с термоупрочненным сердечником, как известно, летит гораздо быстрее и точнее самого испуганного человека.

И только когда над залитым кровью полем воцарилась

гробовая, мертвая тишина, пахнувшая пороховой гарью, озоном и свежей кровью, в мою голову запоздало постучалась ленивая, глупая мысль:

«А если бы здесь, в чужом мире с другими законами, современное пороховое оружие вообще не сработало? Если бы капсюль не детонировал?»

Впрочем, мысль как пришла, так и ушла, не задерживаясь. Работает — и ладно. Чего зря философию на пустом месте разводить. Война ошибок не прощает.

Я закинул винтовку за спину, подхватил посох вместе с потяжелевшим пулеметом и размеренным шагом направился обратно к опушке леса. Проходя мимо намертво застывших в кустах, напуганных до икоты подростков, я остановился и мягко, по-отечески потрепал Тихомира по вихрастой, пыльной голове. Напоследок, глядя на их круглые от шока и благоговения глаза, негромко произнес:

— Всё, что с этих деятелей на поле снимаете — ценное оружие, коней, доспехи — забирайте себе и тащите в весь. Счастливого оставаться, молодежь. Передайте старшим, что Лес сегодня добрый.

И легкой, пружинящей, почти невесомой трусцой я напра-

вился к месту нашей первой встречи у извилистой реки. Собственное тело невероятно, до щенячьего восторга радовало: бежалось удивительно легко, дыхание не сбивалось, сердце работало как новые швейцарские часы, а в коленях и суставах не было ни малейшего намека на былую свинцовую тяжесть. Тот путь через бурелом, который мы с ребятами лениво преодолели за час, я в одиночку отмахал всего за двадцать минут. И при этом — никакой одышки, хрипов в легких или капли пота на лбу. Настоящее чудо.

Я вышел к пологому берегу речушки, внимательно оглядел пустынные окрестности на предмет засады, повернулся спиной к хрустальной воде и с силой вогнал острый конец посоха в грунт. Реальность привычно, беззвучно мигнула, перед глазами поплыли серые круги, и передо мной соткался мой родной, заваленный маскировочными сетями лагерь двадцать первого века. На глаз я быстро прикинул тактический радиус действия этой штуки — пространственный портал открывался ровно в тридцати метрах с каждой стороны от артефакта, образуя идеальную полусферу. Мысленно вздохнув от избытка эмоций, я перешагнул невидимую границу и вернулся в свое суровое время.

Всю следующую неделю я безвылазно, от рассвета до заката посвятил упорному собирательству и приведению в порядок своих военных «находок». Я чистил стволы, смазывал

затворы, сортировал патроны по цинкам и калибрам, укладывал гранаты. Мой подземный схрон буквально ломился от отборного армейского железа — здесь пахло маслом, металлом и старой техникой. Однако время от времени, отрываясь от работы, я подолгу задерживал взгляд на стоящем в углу деревянном посохе. Внутри всё буквально подзуживало, горело и чесалось — непреодолимо, до зубовного скрежета хотелось вернуться обратно в тот чистый, первозданный, суровый мир десятого века, где тебя искренне принимают за Лесного Хозяина, а твои принципы имеют реальный вес.

Но сначала нужно было съездить в цивилизацию, в Киев. Во-первых, банально закупить долгохранящиеся продукты: тушенку коробками, мешки с крупами, солью и сахаром — то, без чего не построить ни одну базу. А во-вторых К моему собственному стремительно изменившемуся самочувствию, исчезнувшим шрамам и внезапно помолодевшему до кондиций тридцатилетнего парня телу накопилось слишком много вопросов. Ответы на эти медицинские загадки стоило поискать в современных клиниках, пока у меня еще был доступ к технологиям двадцать первого столетия.

Это пилотные главы данного романа, жду ваши комментарии.

"Уважаемые читатели! Если вам интересен роман, обяза-

тельно нажмите кнопку "Мне нравится" и добавьте книгу в библиотеку и обязательно подпишитесь на автора, то бишь меня. Это очень поможет развитию истории! Спасибо!"

Глава 3. Возвращение в Киев.

В Киев я вернулся скрытно, налегке, стараясь не привлекать внимания патрулей и камер наружного наблюдения. Добрался до своей городской квартиры, запер за собой массивную стальную дверь на все три оборота тяжелого засова и первым делом с непередаваемым блаженством залез в горячую ванну. Нужно было смыть с себя едкую дорожную пыль, копоть недавнего боя и остатки липкой полесской грязи, намертво въевшейся в поры за время лесных марш-бросков.

Прилично распарившись в кипятке, я выбрался наружу, вооружился станком и начисто, до синевы сбрил густую, отросшую в лесах бороду. Когда мыльная пена была полностью смыта проточной водой, я поднял глаза и буквально замер перед запотевшим стеклом. Из глубины зеркальной амальгамы на меня смотрел я — и в то же время совершенно незнакомый, чужой человек.

Отражение показывало меня самого, но образца моих двадцати восьми лет — парня на самом пике физической формы и выносливости. Кожа на лице полностью разгладилась,

бесследно исчезли глубокие возрастные морщины у глаз и на лбу, взгляд стал неестественно резким, цепким и кристально чистым. Вот только волосы на голове оставались абсолютно, кипенно-седыми — к слову, сбритая в раковину щетина тоже была белой как лунь. Этот резкий, пугающий контраст молодого, хищного лица и благородной, мертвой проседи выглядел застораживающе и жутко одновременно. Слово время решило сыграть со мной в орлянку, вернув силу мышц, но оставив след прожитых лет на волосах.

Собственная фигура под каплями воды тоже претерпела колоссальные, анатомические изменения. Мышцы обрели четкие, литые, сухие очертания, плечи заметно раздались вширь, грудная клетка налилась силой. Пропал даже малейший намек на возрастной, пивной животик — хотя я и в свои пятьдесят пять старался жестко держать себя в тонусе, но сейчас на животе приятно и рельефно проступили жесткие, стальные кубики пресса. Былая хромота, ноющие на погоду суставы и тяжесть в позвоночнике исчезли без следа, будто их никогда и не было. Тело звенело, как натянутая струна.

«Да уж, в таком виде на улицу при дневном свете соваться точно нельзя», — хмуро подумал я, разглядывая себя в упор и вытираясь жестким полотенцем.

Старые знакомые и сослуживцы, если встретят случайно

на проспекте, просто не поймут. Решат, что я окончательно сошел с ума, инсценировал свою смерть или сделал тонну дорожных пластических операций где-нибудь за границей. Да и на цветной фотографии в моем паспорте я выглядел как потрепанный жизнью, седой пятидесятилетный мужик с тяжелым взглядом, а не этот молодой спецназовец на пике формы. А если с такими биологическими метаморфозами прийти в обычную гражданскую поликлинику к местным эскулапам — пиши пропало. Меня со всеми моими анализами сразу, без шума закроют в какой-нибудь секретной ведомственной лаборатории в качестве подопытного кролика. Спецслужбы за такую сыворотку молодости перевернут всю страну.

Вывод из тактической обстановки напрашивался только один: придется провести неделю-другую в четырех стенах, наглухо задернув шторы и не высывая носа на улицу, чтобы хотя бы снова немного зарости нормальной мужской щетиной. А пока следовало срочно обратиться к тому единственному человеку, кому я в этой жизни доверял как самому себе.

Я прошел в комнату, взял со стола смартфон и набрал наизусть знакомый номер старого друга. Мы с ним прошли не одну чеченскую кампанию, делили последний сухпай под обстрелами и выгрызали жизнь зубами. Он был полевым воен-

ным медиком от Бога — хирургом с золотыми руками и железными нервами. Даже не сосчитать, сколько наших ребят он за эти годы буквально вытянул с того света после тяжелейших, казалось бы, смертельных ранений. Если кто-то и мог разобраться в чертовщине с моим ДНК без лишних вопросов и доносов «куда надо» — то только он.

— Слушаю! — раздался в динамике смартфона хрипловатый, уверенный голос, который я узнал бы из миллиона. Голос человека, который под огнем сохранял абсолютное, ледяное спокойствие.

— Док, привет. Как ты сам, как здоровье? — невольно улыбнулся я, услышав родной, густой бас.

— Здорово, Влад! — искренне обрадовался друг, и в его голосе прорезались теплые нотки. — Куда ты пропал, чертяка? Я же звонил тебе пару дней назад, ты наглухо вне зоны был. Сеть вообще не ловила. У меня всё в порядке, воюю со своей бюрократией. В клинике сейчас самый сезон — весна, у людей обострения, так что зашиваюсь на работе с утра до вечера. Ты-то как?

— Да я вот только сегодня из глухомани вернулся, из самых диких лесов. Едва до цивилизации добрался — и сразу тебя набрал.

— Что, опять нарыл в чащобе что-то интересное из военного хабара? — в голосе Дока мгновенно проснулся профессиональный интерес старого искателя. Он знал мою страсть к собирательству железа.

— Можно и так сказать, — уклончиво ответил я, опустив взгляд и рассматривая свои абсолютно гладкие, лишенные возрастных пигментных пятен и шрамов омолодевшие руки. — Но тут, брат, такая ситуация, что по телефону не расскажешь. Категорически нельзя. Нужна твоя серьезная профессиональная консультация. Только глаза в глаза. И желательно у тебя в клинике, на твоих аппаратах, но строго конфиденциально. Чтобы без лишних глаз.

— Заинтриговал, командир, — хмыкнул Док, и я прямо кожей почувствовал, как он на том конце провода подобрался. — Ладно. Раз дело серьезное, часа через три освобожусь, закрою клинику и смогу приехать к тебе на адрес. Обсудим план действий.

— Буду ждать. И сделай одолжение — прихвати с собой каких-нибудь продуктов по дороге, в супермаркет зайди.

— Ну еще бы! — беззлобно рассмеялся в трубку друг. — В твоей холостяцкой берлоге после затяжных рейдов, как

обычно, шаром покати. Хотя мышь на крюке вешай. Одни патроны да консервы трехлетней давности.

— Вот только не надо на мою берлогу напраслину возводить, — притворно обиделся я, хотя доля правды в его словах была. — Всё у меня чин по чину, порядок армейский.

— Ладно, ладно, не ворчи К вечеру буду, жди.

— Давай, жду.

В пустой квартире после месячного отсутствия хозяина всегда полно бытовых забот. Пока я наводил порядок, смахивал скопившуюся пыль с подоконников и раскладывал принесенные вещи, всюду, натужно трудилась стиральная машина, пережевывая походный камуфляж. Окна были приоткрыты, и в комнату врвался теплый, хмельной весенний воздух, пахнувший распускающейся зеленью и прогретым асфальтом — резкий контраст с хмурой лесной сыростью. За всеми этими привычными хлопотами время пролетело незаметно. Ближе к назначенному часу в морозилке уже послушно «грелась», покрываясь тонкой корочкой инея, запотевшая бутылка хорошей водки — под будущий тяжелый, непростой разговор, который нам предстоит.

Резкий, требовательный звонок в дверь отвлек меня от ле-

нивого просмотра новостных лент на экране монитора. Глобальные новости XXI века сейчас казались чем-то бесконечно далеким и нереальным по сравнению с тем, что я видел на берегу древней речушки.

Я бесшумно поднялся со стула, прошел в прихожую и осторожно, не создавая лишних звуков, глянул в оптический глазок. На лестничной площадке стоял Док с увесистым пакетом в руках, одетый в легкую весеннюю ветровку, а рядом с ним неожиданно обнаружился Андрюха — еще один наш старый боевой товарищ, надежный, как затвор автомата Калашникова. Мы с ним в свое время вытаскивали друг друга из таких передраг, о которых гражданским лучше вообще не знать.

В моей голове мгновенно, на автомате созрел тактический план. Чтобы не огорошить мужиков своим помолодевшим видом прямо с порога, прямо в лоб, я протянул руку и аккуратно выкрутил лампочку в прихожей. Коридор мгновенно погрузился в густой, плотный полумрак. После этого я щелкнул замком и распахнул тяжелую дверь, сам оставаясь глубоко в тени, у кирпичной стены.

Гости шумно, с весенней уличной прохладой ввалились в квартиру. Андрюха привычно, коротким движением легкого туфля пнул за собой стальную створку, и мы крепко, с хру-

стом костей, по-мужски обнялись в темноте. От обоих пахло вечерним теплым ветром, хорошим парфюмом и принесенной из пиццерии горячей, ароматной коробкой.

— Так, мужики, обувь скидываем прямо здесь, сразу проходим в гостиную и приземляемся на диван. Все разговоры, расспросы и разборы полетов — потом, — скомандовал я привычным офицерским тоном, аккуратно, но настойчиво подталкивая обоих вглубь коридора.

— Слушай, Влад, чего это у тебя в квартире темно, как у негра в... кхм, в гостях? Электричество за неуплату отрезали, пока ты по своим лесам шлындал? — Андрюха, как обычно, оставался в своем репертуаре, не упуская ни единого повода вставить хлесткое, крепкое словцо.

— Тихо, оба, — я приглушил голос до заговорщицкого шепота, поднося указательный палец к губам. — Сейчас начнется смертельный номер. Граждан со слабой психикой, беременных и сердечников прошу немедленно удалиться к выходу.

Их дружный, скептический гогот, замешанный на полной уверенности, что Командир просто разыгрывает их после долгого отсутствия, оборвался в ту же микросекунду, как я щелкнул настенным выключателем. Комнату мгновенно за-

лил резкий, бьющий по отвыкшим глазам свет от люстры.

Мужики замерли на пороге зала, словно наткнулись на невидимую бетонную стену. Накатила звенящая, мертвая пауза, затянувшаяся секунды на три. А затем оба разом, словно по команде «В ружье!», подскочили ко мне и буквально бросились крутить в разные стороны. Четыре руки принялись лихорадочно щупать мои плечи, торс, проверять шею. Из уст боевых товарищей лавиной вылетали исключительно непечатные, сочные междометия и обрывки матерных фраз. Они дикими, не верящими глазами разглядывали мое абсолютно гладкое, лоснящееся здоровьем помолодевшее лицо, мощную, лишенную возрастных складок шею и густую копну кипенно-белых, седых волос.

— Ну и как вам мой фокус? — с легкой, хищной усмешкой спросил я, перехватывая их запястья и мягко, но жестко останавливая эту суету.

Андрюха ничего не ответил. Наш матерый кадровый во-яка просто тяжело, со свистом дышал через нос, переводя ошарашенный, заторможенный взгляд с моих четко очерченных кубиков пресса на седую голову. У него в голове явно не сходилась дебет с кредитом.

Док, которого в обычной жизни звали Сергеем, первым

обрел дар речи — у него все-таки была высшая медицинская закалка. Его профессиональный, цепкий взгляд хирурга лихорадочно, сантиметр за сантиметром сканировал мою кожу.

— Влад... это... это как вообще возможно? Какая, к черту, пластика? Это что за мистика, твою мать?!

— Ребята, это вы еще самое интересное не видели, — заговорщицки подмигнул я, наслаждаясь произведенным эффектом. — Помните мой старый, рваный осколочный шрам на шее? Ну, тот самый, из-под Грозного, который мне чуть сонную артерию в лоскуты не перебил?

Оба, словно китайские болванчики, синхронно, часто и быстро закивали. Этот шрам они знали наизусть, сами его когда-то перевязывали в полевом блиндаже.

Я левой рукой потянул вниз плотный воротник домашнего реглана, полностью открывая горло свету.

— А нет его больше. Чисто. Можете потрогать.

Сергей сделал короткий шаг вперед и дрожащей, непривычно холодной для врача ладонью провел по моей шее, сильно надавливая пальцами, словно пытался нащупать скрытый театральный грим или дорогую силиконовую накладку. Кожа под его пальцами была упругой, ровной и теп-

лой.

— Но и это еще не всё, — я повернулся к ним правым боком и коротко похлопал себя ладонью по бедру. — Док, ты же отлично помнишь, как мне всего год назад, после того как сустав окончательно рассыпался, тазобедренный протез из титанового сплава вживили? Помнишь, как я каждую осень на погоду волком выл и хромал так, что клюкой паркет обивал? Шрама от той полостной операции тоже нет. Кожа ровная, как у младенца.

— А... а сам протез? Металл... он внутри? На месте?! — каким-то неестественно тонким, севшим от дикого нервного напряжения голосом выдавил из себя Андрей, непроизвольно сжимая кулаки.

— Вот именно ради ответа на этот вопрос я и хотел напроситься к Сереге в его клинику на ночной прием, подальше от лишних ушей, — серьезно ответил я, глядя друзьям прямо в глаза. — Понимаете, мужики... Ко мне полностью, на все сто процентов вернулась былая, курсантская подвижность суставов. Я боли больше не чувствую. Я двигаюсь легче и быстрее, чем в свои лучшие двадцать пять лет. Я хочу знать, что со мной сделал тот проклятый лес.

Чтобы наглядно, без лишних слов подкрепить свои за-

явления, я сделал два быстрых, кошачьих шага в сторону, освобождая пространство по центру комнаты. Корпус сработал на автомате, мышечная память вернулась мгновенно: я хлестко выкинул в воздух серию коротких, акцентированных ударов ногами, а затем, мощно оттолкнувшись от ковра, легко крутанул идеальное сальто назад, мягко и бесшумно приземлившись на согнутые колени. Никакого хруста, никакой простреливающей боли в пояснице.

— Мужики, я такого трюка лет пятнадцать уже физически сделать не мог, — плавно выпрямился во весь рост, переводя чистое, глубокое дыхание. — Связки порвал бы к чертям. А тут всю последнюю неделю только и делаю, что боевую форму в лесу отрабатываю. Тело само просит нагрузки.

Андрюха первым пришел в себя от увиденного акробатического этюда. Он шумно, со свистом сглотнул скопившуюся слюну и выразительно, со значением посмотрел на стоящую на столе бутылку.

— Так, Командир Наливай. По самую кромку краев. И рассказывай всё от начала до конца. Без утайки. Иначе у меня сейчас инфаркт случится.

Поляну на кухонном столе мы накрыли в три счета, действуя по старой армейской привычке слаженно и без лиш-

ней суеты. В центре появились принесенная парнями мясная нарезка, исходящая паром ароматная пицца и запотевшее, покрытое инеем стекло. И вот под эту самую ледяную водку, под мерный, глухой стук хрустальных рюмок, я вывалил на них всю правду. Рассказал про глухой прифронтовой лес, странную неподвижную дымку, древний деревянный посох, мгновенное исцеление в малиннике, испуганную Чаяну у хрустальной реки и про то, как в упор расстрелял кочевников из модернизированного пулемета.

Когда я закончил свой рассказ, в комнате повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь далеким гулом весеннего проспекта за окном. Друзья сидели неподвижно, застыв над недоеденной пищей, и не веряще, дикими глазами уставились на меня. Так смотрят на сумасшедшего или на человека, который только что объявил им о пришествии инопланетян. Они ждали подвоха, розыгрыша, но мой серьезный взгляд не оставлял им шансов на сомнения.

Я молча поднялся со своего места, вышел в спальню и через минуту вернулся назад. В правой руке я держал тот самый массивный деревянный посох, покрытый глубокой резьбой, а в левой — небольшую защищенную экшн-камеру. Не произнося больше ни слова, я щелкнул кнопкой на пульте телевизора, подключил флеш-карту к порту и отошел от огромного плазменного экрана в сторону, давая мужикам

полный, беспрепятственный обзор.

Экран моргнул, прорезав полумрак комнаты ярким светом. Видеозапись, сделанная от первого лица с тактического шлема, началась ровно с того момента, как я с силой втыкаю посох в сырую лесную землю, и перед объективом, разрывая серую дымку, материализуется пологий берег незнакомой, хрустально-чистой реки. Дальше на записи во всех деталях шла моя встреча с перепуганными Чаяной и Тихомиром, наш странный, гортанный диалог с ментальным переводом.

После этого я нажал на пульте кнопку перемотки, пропустив марш-бросок через бор, и запустил воспроизведение прямо на сцене у деревянного забора. Комнату мгновенно наполнил записанный качественным микрофоном оглушительный, злой, частый стрекот модернизированного «Печенега», безжалостно косивший степняков прямо у частокола. Камера четко фиксировала фонтаны крови, панику лошадей и разлетающиеся в щепки щиты. Затем последовали четыре четких, сухих хлопка СВД, срезавших беглецов на опушке, и мое короткое, циничное прощание с ошарашенной древлянской молодежью. Видео резко оборвалось, и экран замигал ровным, мирным синим светом.

В мертвой тишине квартиры раздался хриплый, надсадоч-

ный, сорванный голос Дока, который так и не донес рюмку до рта:

— Наливай, Влад. Еще по одной. На этот раз — полные.

Я молча разлил прозрачную жидкость по хрустальным стопкам. Выпили до дна, не чокаясь. Я закинул в рот кусок остывающей пищи, а ребята по-прежнему сидели неподвижно, не сводя с меня диких, горящих, полубезумных глаз. Ткань их привычной реальности трещала по швам.

— Повторить? — коротко спросил я, удерживая потяжелевшую бутылку над столом.

Они синхронно, как по команде на плацу, кивнули. Снова разлил. Выпили, и на этот раз уже нормально, размашисто закусили, постепенно приходя в себя от увиденного на экране.

Андрей, шумно, со свистом выдохнув через нос, повернулся ко мне и тихо, с каким-то глубинным, звенящим уважением произнес:

— Князь... Что делать-то будем?

— О, гляди, Док, — я слабо, одними уголками губ усмехнулся, — уже и Князя вспомнил. Позывной мой старый че-

ченский извлек из архивов памяти.

Сергей потер лицо широкими ладонями, с хрустом разминая пальцы и собираясь с мыслями:

— Влад, хорош хохмить. Ситуация запредельная. Говори прямо, без своих командирских загадок: что ты задумал?

— А чего мне думать? Я к тебе на обследование хочу попроситься. Официально, но без карточки и регистрации. Прямо сегодня ночью.

— Зачем так срочно? — на секунду не понял Док, моргая от усталости.

— Док, ну не тупи ты, а! — я выразительно, с отяжкой постучал согнутым пальцем по деревянному столу. — Включи наконец свои врачебные мозги, ты же хирург! Если мой старый, изношенный, израненный осколками организм за один неполный день полностью омолодился... Если бесследно ушли все хронические болячки, шрамы и титановый сустав... Ну, думай дальше, развивай медицинскую мысль!

Сергей резко замер, и рюмка в его руке едва заметно звякнула о тарелку. Его взгляд медленно, тяжело переместился с моего лица на застывшего, побледневшего Андрюху. В гла-

зах медика промелькнула внезапная, пугающая своей колоссальной масштабностью догадка. Он понял меня без слов.

— Ты... ты хочешь сказать, что мы, возможно... сможем помочь Алине? Дочке Андрея?

Андрюха тяжело, с глухим хрипом сглотнул. На его изрезанном морщинами лице отразилась такая отчаянная, дикая, безумная надежда, что мне на секунду стало не по себе. Наш железный боевой механик уставился на меня взглядом утопающего, который посреди ледяного океана вдруг увидел соломинку. В его глазах читалась не просто надежда, а отчаянная жажда чуда. Алина уже два года угасала от неизлечимой болезни, медленно сгорая изнутри под натиском недуга. Врачи в один голос советовали Андрею готовиться к худшему, их голоса звучали глухо и безнадёжно в стерильных коридорах больниц, где пахло антисептиком и безнадёгой.

— Мужики, — я твердо поднял руки ладонями вперед, осаживая их внезапную панику, — я ведь не Господь Бог, в конце-то концов. И артефакт этот на молекулярном уровне не изучал. Чудес и гарантий обещать не могу. Но если этот чертов первозданный мир действительно лечит, если его регенерация правда сработает и на других людях — то почему, чёрт возьми, нам не попробовать? Мы обязаны вытащить девчонку.

Андрей в ту же секунду подорвался со стула, с грохотом отшвырнув его назад и едва не опрокинув обеденный стол. Локоть ударился о край, посуда звякнула в чашках — звук был пронзительным и тревожным.

— Всё! Я за дочкой! Я в больницу, привезу ее мигом, на руках донесу!..

— Тихо! Сидеть всем! — жестко, хлестко, бывшим командирским тоном, не терпящим возражений, оборвал я его порыв. Голос прозвучал сухо и твердо, отскакивая от стен кухни эхом. — Андрей, остынь и дыши глубже. Взял себя в руки, живо! Я прекрасно тебя понимаю, но сначала я иду к Доку. Он меня помучает, прогонит через все свои КТ и МРТ, посмотрит по анализам, что конкретно внутри клеток изменилось, и только после этого мы сделаем первые грамотные выводы. Это во-первых. Во-вторых, я понятия не имею, как именно работает этот эффект омоложения — в любом ли месте того мира, или только конкретно на той полянке у реки, где я посох в землю втыкал. И в-третьих, всё это нужно про-вернуть абсолютно тихо, без шума, пыли и лишних свидетелей. Желательно в каком-нибудь максимально закрытом, глухом месте, чтобы гражданские клиники нас не срисовали.

Андрей как-то сразу, в один миг обмяк под моим жест-

ким командирским взглядом и послушно, покорно опустил-ся обратно на скрипнувший стул. Понять его сейчас можно было вообще без лишних слов. Алине, его единственной дочке, исполнилось всего девять лет. Четвертая стадия рака, агрессивные метастазы по всему организму — гражданские светила медицины только разводили руками и сочувственно прятали глаза, тихо советуя несчастному отцу «просто готовиться к худшему».

Док осторожно, тяжелой ладонью приобнял Андрюху за вздрагивающее плечо, возвращая нашего Меха из пучины отчаяния обратно в суровую реальность:

— Так, Мех, отставить панику, нос выше. Завтра утром я Князя по полной программе через томограф прогоню, всю кровь до последнего лейкоцита разберем, анализы сделаем, и там уже на консилиуме будем решать. А Князь у нас на сегодня пить закончил. Боекомплект алкоголя исчерпан. Завтра в семь утра я заеду за тобой, и сразу ко мне в лабораторию, пока персонал не подтянулся.

— Нет, Док, — упрямо покачал головой Андрей, в чьих глазах после секундной слабости снова появился твердый, привычный блеск боевого офицера. — Я сам за ним на машине на рассвете заеду и лично к тебе в клинику доставлю. Конвой обеспечу. А ты уж проверь этого сивого жеребца как

следует, по всем медицинским статьям. Он у нас теперь молодой, здоровый, пусть терпит.

Андрей грустно, но уже с первой живой, легкой теплотой усмехнулся, глядя на мою седую шевелюру.

— Логично, план утверждаю, — одобрил Сергей, поднимаясь из-за стола. — Тогда на сегодня официальное пьянство объявляется закрытым. Расходимся по казармам. А Князь сам тут со своей поляной на кухне приберется, посуду помое. Хозяйственный барин.

И оба этих охламона, словно по невидимой команде «Разойдись!», синхронно вскочили со стульев и шутливым, но удивительно четким, отточенным годами строевым шагом отправились в темную прихожую к выходным дверям. Привычные армейские шутки были их единственным щитом от того безумного тектонического сдвига, который только что произошел в их головах.

Уже у самых дверей Андрюха резко замер на пороге, придержал выходящего Дока за локоть и внимательно, прищурившись, повернулся ко мне:

— Влад, постой. Один тактический вопрос. Ты когда с девицей этой у реки разговаривал Вы вообще на каком языке

изъяснялись? Древляне ведь, десятый век. Они по-нашему точно не шпрехают.

Я на секунду задумался, непроизвольно потирая гладкий подбородок и мысленно возвращаясь к тому странному, глухому эхо в собственной голове.

— Вот этого, брат, я тебе точно сказать не могу. Науке это неизвестно. Я её гортанную речь слышал и понимал идеально, до малейшего полутона. И отвечал ей на автомате, совершенно не задумываясь над подбором слов. Но на каком конкретно языке шло наше общение — славянском, древнерусском или современном — понятия не имею. Будто узоры на посохе сами нужные смыслы в моем сознании проявляли, минуя уши.

Мой честный ответ их, как ни странно, вполне удовлетворил. В мире, где Командир крутит сальто в пятьдесят пять лет и убирает пулеметным огнем отряды кочевников, языковой барьер казался сущим пустяком. Мужики молча, понимая кивнули, пожали мне на прощание руки и наконец ушли, тихо прихлопнув стальную дверь.

Я остался в пустой квартире один. В тишине весенней ночи, наедине со своими тяжелыми, масштабными мыслями и деревянным артефактом, сиротливо прислоненным в углу

коридора. Портал в прошлое ждал своего часа.

Это пилотные главы данного романа, жду ваши комментарии.

"Уважаемые читатели! Если вам интересен роман, обязательно нажмите кнопку "Мне нравится" и добавьте книгу в библиотеку и обязательно подпишитесь на автора, то бишь меня. Это очень поможет развитию истории! Спасибо!"

Глава 4. Медицинская тайна.

Остаток весеннего вечера прошел тихо, в звенящем одиночестве. Проводив мужиков, я наглухо задернул шторы, включил ноутбук и с головой зарылся в интернет, по уши закопавшись в оцифрованные исторические хроники и летописи девятисотых годов. Учитывая сбивчивый, страшный рассказ Чаи о том, как киевская княгиня жестоко, с лютой яростью пожгла древлянские города и под корень резала их рода, логические выводы напрашивались сами собой. Вероятнее всего, речь шла о знаменитой, зафиксированной в «Повести временных лет» карательной операции княгини Ольги — в святом крещении Елены — мстившей за зверское убийство своего мужа Игоря. Это был примерно 945–946 год нашей эры.

Осознание этого факта ударило по мозгам сильнее водки. Значит, мой деревянный посох пробил тактическое окно не просто в какой-то абстрактный параллельный мир или фэнтезийную реальность, а в наше собственное, суровое, умытое кровью прошлое. В фундамент нашей истории. От такой за-

предельной, космической масштабности голова шла кругом, а по спине пробегал неприятный холодок.

Утром я проснулся без будильника, ровно в шесть, от настойчивого, непрекращающегося треска дверного звонка. Хмурый, взъерошенный, помятый Андрей стоял на пороге и буквально намертво вдавливал пальцем пластиковую кнопку в бетонную стену, пока я жестко не окликнул его из глубины коридора:

— Андрюха, отставить панику! Хватит казенную технику ломать.

— А-а-а, Князь — он наконец отнял затекшую руку от звонка и уставился на меня воспаленными, красными от бессонницы глазами.

— Ясно солнышко ты мое, — беззлобно усмехнулся я, выпуская его в полумрак квартиры. — Ты спать-то сегодня ночью вообще ложился, Мех?

— Нет, — глухо буркнул он, проходя мимо меня вглубь комнаты. — Какое там «спать» Всю ночь с боку на бок на кровати ворочался, потолок разглядывал, утра ждал. Как только за окном едва рассвело, сразу завел мотор и к тебе рванул. Не смог дома сидеть.

— Ну для клиники Дока еще рановато, солнце едва взошло, — я бросил короткий взгляд на настенные часы. — Давай хоть по кофейку горячему с бутербродами бахнем, пока время есть, да поедем не спеша.

— Князь, какие, к черту, бутерброды?! — в панике замахал на меня руками Андрей. — У тебя же сегодня сложнейшие анализы натошак! Тебе кровь из вены сдавать, биохимию делать! Категорически ничего нельзя в рот брать!

— Точно, из головы напрочь вылетело, — повинился я, качнув седой головой.

— Вот вроде телом и мордой помолодел до курсанта, а старческий склероз всё равно на месте остался, — хмуро, но уже с первой доброй искоркой подколот Андрей.

Мы оба дружно, в голос рассмеялись. Короткая, чисто армейская шутка мгновенно согнала тяжелое утреннее напряжение, висевшее в воздухе.

— Ладно, уговорил, погнали, — я подхватил со стула легкую куртку и кепку.

По абсолютно пустому, еще не проснувшемуся, окутанному нежным весенним туманом городу мы пролетели за считанные минуты. На полупустой, чистой парковке диагности-

ческого центра Дока уже вовсю поблескивал вымытый черный «Мерседес». Сергей увидел издалека подъезжающую Андрееву старенькую, потрёпанную «Омегу» и тут же выбрался из теплого салона на свежий воздух, на ходу застегивая ветровку.

— Здорово медикам и светилам науки! — гаркнул я, первым выходя из машины на асфальт. — Что, Серега, тебе тоже сегодня дома не спалось?

— Привет, — Док зябко повел широкими плечами, всматриваясь в мое гладкое лицо под козырьком кепки. — С тобой тут уснешь, как же Вечно ты, командир, подкинешь вводную, от которой у всего батальона мозги плавятся. Чего вы так долго плелись по пустой трассе?

— Мужики, вы чего, по дороге сюда головами обо что-то тяжелое нигде не приложились? — я искренне, со смешком удивился, переводя взгляд с одного взвинченного друга на другого. — Один в шесть утра ко мне в дверь ломится, второй к семи приехать обещал, а между прочим, на часах еще и семи-то нет! Пятнадцать минут седьмого всего!

— Во, гляди на него, Мех, опять дедовское ворчание у Командира началось, — беззлобно огрызнулся Док, открывая тяжелым ключом пластиковую дверь служебного входа сво-

ей клиники. — Ты нас тут еще на асфальте по стойке «Смирно» расставь, Князь. Андрей, ты с нами внутрь на обследование, или по своим делам пока в город поедешь?

— Какие у меня теперь могут быть дела без вас? — твердо, с нажимом отрезал Мех, и в его глазах снова проступила та самая отчаянная, страшная надежда за жизнь дочери. — Напрямик к моей Алинке отсюда дорожка вечно ведет. Без вариантов. Так что идем вместе. Все трое.

Мужики подхватили меня под белые ручки с двух сторон, словно конвой особого назначения, и чуть ли не бегом понесли к стеклянным дверям центра. Внутри пахло утренней стерильностью, озоном и дорогим пластиком. Уже заталкивая меня в свой личный кабинет через скрытый коридор, Док довольно потер широкие ладони:

— Вот сейчас мы и узнаем, годишься ли ты в космонавты, Князь. И учти важный тактический нюанс: в общую компьютерную базу клиники и на все обходные листы я тебе нагло поставил возраст двадцать пять лет. Поднял свои старые связи, забил левые паспортные данные. Так что смотри мне, в диагностических кабинетах перед лаборантами лишнего языком не ляпни. Смирно сиди и молчи.

Дальнейшие восемь часов превратились в изощренное,

методичное и детальное медицинское издевательство. Меня гоняли по этажам пустеющего центра, словно духа на полосе препятствий. У меня взяли, кажется, целые литры крови из всех доступных вен, просвечивали жестким рентгеном, крутили в гудящей, давящей на уши трубе сверхмощного МРТ, заставляли до посинения дышать в какие-то трубки и снимали бесконечные кардиограммы под нагрузкой. При этом на все мои осторожные, прощупывающие вопросы о состоянии здоровья ответ у всех специалистов был стандартным, чеканным, словно заученная военная присяга:

— Сергей Николаевич лично объявит вам все результаты консилиума, молодой человек. Не задерживайте очередь, проходите в следующий кабинет на УЗИ.

Пришлось запастись железным, вышколенным годами спецназовским терпением и молча, стиснув зубы, сносить все эти нудные процедуры. В конце концов, на кону стояла жизнь Алины, и ради этого я готов был стерпеть и не такое.

К моему огромному, искреннему счастью, в этом мире всё когда-нибудь заканчивается. Измотанного бесконечными процедурами и голодного как волк, меня наконец завели в небольшой, глухой личный кабинет Дока и оставили в полном одиночестве. Я с облегчением вытянулся в глубоком, мягком кожаном кресле, откинул седую голову на подголов-

ник и, сам того не заметив, мгновенно провалился в тяжелую, глухую дрему без сновидений — тело просто отключило сознание для перезагрузки.

Едва слышный, деликатный щелчок открывающейся дверной ручки мгновенно, за долю секунды выдернул меня из сна — старые армейские рефлексy войны не пропьешь и не омолодишь, они сидели в подкорке намертво. Глаза открылись сразу, зафиксировав обстановку.

В кабинет зашли бледный Сергей и осунувшийся Андрей. Они молча, словно приговоренные к расстрелу, прошли к кожаному дивану, стоявшему прямо напротив моего кресла, и грузно, с глухим вздохом уселись. Оба упрямо молчали, но не отрывали от меня тяжелых, гипнотизирующих, каких-то пугающе-серьезных взглядов. На коленях у Дока лежала пухлая, глянцевая пластиковая папка с результатами моих сегодняшних восьмичасовых мытарств. В тишине кабинета было слышно, как за окном шумит вечерний весенний Киев.

— И-и-и?... — наконец не выдержал я этой затянувшейся, звенящей паузы, требовательно изогнув бровь и подавшись всем корпусом вперед. — Чего молчите, как партизаны на допросе? Говорите как есть, к плохим вестям мне не привыкать. Что там у меня внутри?

Сергей глубоко, со свистом вздохнул, с силой потер переносицу и раскрыл пухлую глянцевую папку.

— В общем так, Князь. Слушай медицинское заключение. После полного, тотального обследования всех систем твоего организма, консилиум в моем лице склоняется к тому, что тебе сейчас биологически не меньше двадцати пяти, но и точно не больше двадцати восьми лет. Точка. Гражданских докторов, которые тебя сегодня осматривали, сильно смущает только твой идеально седой, кипенно-белый цвет волос. Но к остальному — никаких претензий, хоть завтра на передовую. Все внутренние органы в идеале, сосуды чистые, эластичные, как у младенца. Даже наш привередливый главный стоматолог остался в полном, благоговейном восторге от твоих зубов. Сказал мне дословно: «Сергей Николаевич, это практически невозможно, всё родное, здоровое, эмаль идеальная, и нет ни единого намека на какое-либо прежнее врачебное вмешательство или пломбы». Будто ты за зубами в элитной швейцарской клинике с самого раннего детства ухаживал.

— Док, а что с правым бедром? — я подался всем корпусом вперед, впиваясь взглядом в его лицо. — Что конкретно показали свежий рентген и КТ? Протез-то мой титановый где?

— А вот с ним, командир, история еще интереснее и намного страшнее, — Сергей аккуратно вытащил из недр папки большой черный снимок, поднес его к глазам и на секунду поднял вверх, на свет медицинской лампы. — Я, естественно, этот кадр никому из коллег-рентгенологов показывать не стал, от греха подальше. Смотрел сам, запершись в кабинете. На снимке четко видны... как бы это правильнее выразиться с точки зрения анатомии... остаточные, полурастворенные, пористые фрагменты твоего титанового протеза прямо внутри абсолютно новой, плотной и здоровой костной ткани. Понимаешь? Металл на молекулярном уровне буквально замещается живой костью.

— Ты хочешь сказать, что у меня кость сама выросла заново и теперь выталкивает или пережевывает титановый сплав? — у меня по спине, несмотря на тепло в кабинете, пробежал легкий, колючий холодок.

— Я не просто хочу сказать, Князь, я это официально и научно утверждаю, черт тебя побери! — Док резко, с глухим хлопком опустил ладонь на пластиковую папку, и его напускная профессиональная сдержанность окончательно дала трещину. Глаза хирурга лихорадочно блестели. — Князь, блин, ты как всегда в своем репертуаре! В какую бы глубокую жопу ты с головой ни нырнул на очередной войне — всегда умудряешься вынырнуть из нее с огромным, чистейшим алмазом

в зубах! Это же абсолютная революция в мировой медицине! Регенерация и перестройка тканей на каком-то фантастическом, божественном уровне! Кажется клетки просто отказываются стареть и умирать.

Андрей, который до этого сидел на диване бледный как стена, лихорадочно и прерывисто дыша, резко, пружиной подорвался с места. Воздух в комнате казался густым и тяжелым, пропитанным запахом озона от медицинского оборудования и острым ароматом страха. В его воспаленных от бессонницы глазах сейчас горело самое настоящее, дикое безумие пополам с отчаянной надеждой. Он мертвой хваткой вцепился мне в плечо:

— Так, мужики! Успокаиваемся, глубоко дышим, прочищаем мозги! Князь, да чего тут думать и какие анализы чистить?! Поехали прямо сейчас в твой малинник, в этот проклятый лес! Забираем Алинку из бокса, берем этот деревянный посох — а там на месте, на той полянке разберемся! Нам нельзя терять ни одной чертовой минуты, у нее метастазы прут!

— Ну-ка, ша! — я жестко, с оттяжкой, по-командирски хлопнул ладонью по кожаному подлокотнику кресла, издав резкий звук, заставивший Андрея мгновенно замереть и осечься на полуслове. — Сядь на место, Мех. Быстро. Я

прекрасно тебя понимаю, и твою отцовскую боль тоже. Но... Сергей Николаевич.

Док удивленно, как-то сразу подобравшись, уставился на меня, услышав, что я внезапно, вопреки многолетней дружеской привычке, назвал его строго по имени-отчеству. Я откинулся на спинку кресла и медленно обвел их обоих тяжелым, остепенившимся, холодным взглядом командира, возвращающего растерявшийся в бою взвод к суровой, беспощадной реальности.

Внезапно мне стало неуютно от стерильного холода этой кабинета в респектабельной клинике. За окном мчалась современная жизнь: серые многоэтажки, неоновая реклама, бесконечный поток машин. Но внутри меня уже жил другой человек — тот, кто привык к запаху сырой хвои и влажному серебру неба. Мне казалось, что я стою на тонкой грани между двумя мирами: здесь и сейчас — в двадцать первом веке, где правила диктует бюрократия; а там, за порогом — в десятом веке, где правит закон джунглей и стальной клинок.

— Вот представим на секунду: сорвемся мы прямо сейчас, как безумные, поедem в мой глухой прифронтовой квадрат и прогуляемся всей толпой через портал, — ровным, леденящим душу командирским басом начал я, в упор глядя на Меха. — И что мы на выходе из малинника будем иметь,

а, стратеги хреновы? Вместо одного помолодевшего юнца на этой земле — сразу троих? Ладно я, перекаати-поле, одиночка. Меня с моей официальной инвалидностью и вечным нахождением на лесных кордонах никто особо не ищет и не дергает. А вы двое? Ты, Док, в понедельник, как на работу в свою клинику придешь? Что коллегам-врачам и руководству министерства скажешь, когда у них на пороге вместо пятидесятилетнего уважаемого профессора возникнет двадцатипятилетний пацан с твоим голосом и знаниями? Или вы оба, такие внезапно молодые, гладкие и красивые, прямо сегодня вечером домой к законным женам явитесь? Представляете их первую реакцию? Как объяснять будете? Слушаю вас, господа офицеры

Мои слова висели в воздухе тяжелым камнем. Я видел, как у Андрея подрагивали веки — он пытался представить этот кошмар. А Сергей Николаевич, обычно невозмутимый доктор, вдруг побледнел еще сильнее. Его разум бился в ловушке логики: он понимал, что я прав на сто процентов.

Мужики угрюмо молчали, переводя растерянные, тяжелые взгляды друг на друга. Сказать им в ответ на это было абсолютно нечего. Железная логика Командира припечатала их к дивану.

— Молчите? — я плотно облокотился локтями на колени,

подавшись вперед. — И правильно делаете. Включайте наконец холодные головы, нам на этой войне паника не нужна.

Андрей медленно, словно из него выпустили весь воздух, опустился обратно на кожаный диван. Его спина согнулась дугой усталости и отчаяния, шумно выдохнул сквозь плотно сжатые зубы и обреченно покачал головой:

— Князь... Вот за это ты у нас в отряде командиром и был, черт тебя дери. Вечно умеешь ушат ледяной воды на загривок вылить, когда у остальных от эмоций крышу рвет и планку сносит.

— Так, господа офицеры, отставить упаднические настроения, — я уверенно поднялся со своего кресла, одергивая куртку и давая понять, что медицинская часть нашей секретной миссии на сегодня официально закончена. — Заканчиваем балаган в этих стерильных стенах. Предлагаю переместиться ко мне на хату, на базу. И пока будем добираться по городу, пусть каждый едет строго отдельно, своим маршрутом, и хорошенько думает над логистикой. Переваривает информацию. Я помню, Мех, что это ты меня сюда на рассвете привез, но обратно я спокойно на обычном такси доберусь. Тебе сейчас точно не до меня, надо мысли в кучу собрать.

Сергей Николаевич бросил быстрый, профессиональный

взгляд на свои массивные наручные часы. Механизм тикал ровно и бесстрастно, отсчитывая секунды нашей жизни. Прикидывая плотный график:

— Часа через два, не раньше, смогу к тебе на адрес вырваться, Князь. Мне тут еще медицинские документы по твоим сегодняшним анализам нужно вручную подчистить в компьютерной системе, подтереть хвосты, да текущие дела по центру закрыть, чтоб ни один проверяющий комар потом носа не подточил.

— Тогда, если никто не против, я домой сначала на часок заскочу, — глухо, уставшим голосом проворчал Андрей. Он поднялся с дивана, и я заметил, как его колени слегка дрожат. Поднимая на меня глаза: — Жену встречу, хоть немного ее успокою, Алинку проведу в боксе, а потом сразу к тебе на квартиру, Влад. Без опозданий.

— Договорились, мужики, — я крепко, с хрустом поочередно пожал обоим широкие ладони. — Буду ждать на базе. Внимательнее на дорогах, не гоните.

Через двадцать минут я уже размеренно ехал на заднем сиденье обычного неприметного городского такси. Окна были чистыми, но за ними плыла серая пелена киевских улиц. Весенний дождь барабанил по крыше, создавая ритмичный

фон для моих мыслей. Я бездумно глядел на проплывающие за окном весенние многоэтажки Киева. Но мой разум уже перенесся в другое место — туда, где нет электричества и асфальта.

Первые тактические ходы в этой партии были сделаны правильно, но я чувствовал нарастающее давление. Впереди маячила самая сложная, масштабная и смертельно опасная часть нашей операции по исходу.

Мне нужно было просчитать её до единого шага, до каждого килограмма грунта и патрона.

Это пилотные главы данного романа, жду ваши комментарии.

"Уважаемые читатели! Если вам интересен роман, обязательно нажмите кнопку "Мне нравится" и добавьте книгу в библиотеку и обязательно подпишитесь на автора, то бишь меня. Это очень поможет развитию истории! Спасибо!"

Глава 5. План Князя.

Уже поздним весенним вечером мы снова сидели у меня на квартире вокруг наспех накрытого обеденного стола. В комнате царил легкий, густой полумрак — зажигать люстру я намеренно не стал, чтобы не привлекать лишнего внимания к окнам, а плотное, звенящее напряжение между нами можно было буквально резать штык-ножом. За те два часа, что мы провели порознь, мужики явно успели не только остыть от первого шока, но и плотно сообразить что-то на двоих, созвонившись по дороге.

— Так, — я плотно облокотился локтями на стол, сцепил пальцы в замок и внимательно, с прищуром посмотрел на друзей. — Раз уж вы ко мне на порог базы заявили плечом к плечу, строем, значит, по дороге успели о чем-то жестко договориться. Слушаю вас, господа заговорщики. Выкладывайте вводные.

Мои архаровцы синхронно переглянулись. Андрюха едва заметно, коротко кивнул, безмолвно разрешая Сергею взять

слово от имени их новоиспеченного маленького профсоюза.

— Командир, — твердо, без тени сомнения начал Док, глядя мне прямо в переносицу своим тяжелым взглядом хирurga. — Мы всё обдумали по дороге. Мы взвесили риски. Мы хотим пойти туда, через портал, вместе с тобой. Оба. До конца.

Я молча выслушал его заявление, не меняя сурового выражения лица и никак не выдавая своих внутренних мыслей.

— И это всё? — ровным тоном спросил я после паузы. — А где веские тактические доводы, железные аргументы? Зачем вы мне там сдались?.. — я сделал короткую, издевательскую паузу, давая им призрачную возможность ответить, но они лишь насуплено сопели, уставившись в тарелки. — Молчите? И правильно делаете. Не надо на меня так волком зыркать, Мех, я сам при желании взглядом бетонные стены прожигать умею, ты же знаешь. А подумать хотя бы на пару шагов вперед вам обоим слабо?

Я жестко постучал костяшками пальцев по столу.

— Вот припремся мы в этот десятый век втроем, красивые такие. А местные? Как они нам рады будут, вы прикинули? Нет, я всё прекрасно понимаю: мы возьмем современные стволы, боекомплект, снарягу из моих заначек, если надо —

всех тамошних аборигенов построим по струнке за пять минут. А дальше что? Припрутся к этой древлянской деревне новые кочевники, триста сабель, или княжеские мытари из Киева за данью. Мы что, опять дыру в обороне своей грудью затыкать станем? Так и будем до бесконечности, пока патруны не кончатся, затыкать все амбразуры втроем? Нас надолго вообще хватит в таком режиме, стратеги лесные?

Андрей не выдержал. Наш Мех резко, пружиной подорвался со своего стула, с грохотом отшвырнув его назад и едва не опрокинув на пол глубокую тарелку с нарезкой. В его глазах снова вспыхнуло то самое дикое, родительское безумие:

— Князь! Да как ты, к черту, не понимаешь?! У меня единственная дочка на руках умирает, счет на дни идет! Мне плевать на твоих местных, на печенегов и на все их средневековые законы вместе взятые! Мне Алинку вытащить надо!

— Сесть! — хлестко, как выстрел в упор, командовал я, мгновенно врубая свой старый командирский голос на полную мощность, от которой когда-то плац содрогался.

Андрюха на секунду замер на месте, словно наткнулся на невидимую растяжку. В его воспаленных глазах на мгновение промелькнула ответная, бешеная ярость, но многолетняя, выжженная на подкорке привычка подчиняться прика-

зу старшего по званию и должности в критической ситуации всё же взяла верх.

— Есть сесть, — глухо, через силу выдохнул он. Плечи его бессильно опустились, и Мех покорно, со скрипом вернулся на место, сжав кулаки до белизны суставов.

Столько долгих лет прошло после наших общих боевых выходов, а я для них как был старшим командиром в тех проклятых горячих точках, так, похоже, им и остался на всю оставшуюся жизнь. Единожды завоеванный в крови и на пепелищах авторитет временем не стирается, его не смыть годами мирной гражданской жизни.

— Я-то как раз всё прекрасно и до малейшей детали понимаю, Мех, — уже значительно мягче, но по-прежнему веско, с нажимом продолжил я, глядя в осунувшее лицо друга. — Но ты сам подумай холодной головой, без эмоций. Притащимся мы туда втроем прямо сейчас, на ночь глядя, с твоей тяжелобольной дочкой. На дворе десятый век, дикая глухомань. Местные дикари-древляне вообще не поймут, что это за пришельцы из воздуха соткались. Начнут истово креститься, обереги чертить или со страху за боевые топоры да вилы хвататься. Не дай бог, шальную войнушку у ворот устроят прямо в суматохе. И кто тогда в этой кровавой каше даст твоей Алинке стопроцентную гарантию безопасности и

покоя? Ты со своим пистолетом? Или Док со своим стетоскопом в руках? Там тыл сначала грамотно подготовить надо, плацдарм досконально прощупать.

Я медленно, размеренно поднялся со своего кресла, прошел к угловому деревянному бару, достал оттуда увесистую квадратную бутылку хорошего, выдержанного коньяка и три пузатых хрустальных бокала. Вернувшись к столику, я в полной тишине расставил стекло и ровно до половины наполнил каждый бокал густой янтарной жидкостью, пахнущей дубовой бочкой и весенним черносливом.

Пудобнее устроившись в своем глубоком кресле, я взял свой бокал за тонкую ножку, обвел притихших гостей внимательным, пронизывающим взглядом и без лишних тостов, по-фронтально молча выпил его до самого дна. Ребята, хмуро переглянувшись между собой, синхронно опрокинули свои порции. Крепкий алкоголь приятно, горячо обжег горло, волной прокатываясь по пищеводу и немного разгоняя скопившуюся за этот сумасшедший день усталость.

— Значит так, бойцы, — я аккуратно, без стука поставил пустой бокал на чистую белую скатерть и сцепил пальцы на груди. — Слушай мою команду. Мне лично нужно срочно закрыть здесь, в Киеве, пару очень важных, конфиденциальных вопросов по логистике и припасам. На это у меня уйдет

недели две-три, не меньше. Скорости тут не добавишь, чтобы не привлечь внимания ведомственных органов.

Я сделал короткую паузу, проверяя, как они воспринимают приказ.

— У вас двоих как раз есть это оперативное время, чтобы без лишней спешки, суеты и паники полностью утрясти все свои насущные дела в цивилизации. Мы уходим туда минимум на две недели. Чисто на разведку. Осмотримся на местности, наладим контакт с Чайной и ее людьми, проверим обстановку вокруг веси и поймем, как этот мир реагирует на нас. Своим домашним, женам и начальству на работе прямо сейчас говорите, что связи с вами не будет вообще, от слова совсем. Сеть в тех лесах не ловит. Придумайте жесткую, правдоподобную легенду для алиби: дикий экстремальный отдых в глухой полесской чащобе, сплав по бурным рекам на байдарках, охота на глухаря без мобильных телефонов — всё, что угодно, лишь бы ни один комар носа потом не подточил. Готовьтесь, мужики. Обратного пути для нас из десятого века со временем не будет.

— Форма одежды, обувь, что конкретно с собой брать из снаряги? — деловито, без лишней лирики осведомился Механик, мгновенно переходя на привычный рабочий лад. У него в голове уже щелкнул тумблер, переводящий сознание

из режима паникующего отца в режим собранного офицера.

— Обычный, неброский камуфляж у себя в закромах найдете, без лишних шевронов и опознавательных знаков, — быстро прикинул я в уме тактическую вводную. — Хорошие разношенные берцы и пару комплектов термобелья. Продукты длительного хранения еще подкупим на оптовом складе — тушенку в банках, галеты, крупы. У меня в подземном схроне кое-какой автономный запас имеется, но на троих мужиков на две недели автономки лучше иметь плотный, гарантированный резерв. Собственное легальное или нелегальное оружие тащить из города туда даже не вздумайте. Категорически запрещаю. На месте, прямо у меня на базе в лесу, стволов, армейских цинков и патронов на небольшую зубастую армию хватит. Приедем — каждый выберет себе железо лично по руке, пристреляет и снарядит магазины. Док, ты по своей части полноценную походную аптечку прихвати, на собственное профессиональное усмотрение. Сам отлично знаешь, я у себя в блиндаже держу только самое необходимое для экстренной первой помощи и перевязок — жгуты, промедол, бинты. Всю специфическую, сложную медицину, антибиотики, реанимационный набор бери с собой из клиники.

Сергей согласно, серьезно кивнул, уже что-то мысленно пометая в своем длинном блокноте хирурга.

Я же размеренно продолжил:

— Тяжелый походный инструмент, бензопилы, топоры можете оба из гаражей не тащить, пуп надрывать. У меня там, на точке, отличный профессиональный комплект за складирован, смазан и готов к работе. Вроде по основному списку МТО всё озвучил. Вопросы, жалобы, предложения?

— Алинка?! — Андрюха снова уставился на меня с глупым, тяжелым отцовским упорством, сжав челюсти. Его по-прежнему качало на волнах страха за дочь.

— Мех, давай пока без этого, отставь эмоции, — мягко, но железобетонно твердо осадил я его порыв. — Сначала идем в разведку строго втроем. Осматриваемся на берегу, прощупываем лесную почву, оцениваем общую безопасность периметра, и уже только после этого принимаем окончательное, взвешенное решение по транспортировке девочки. Права на ошибку у нас нет. Док, тебе даю ровно две недели на физическую подготовку. Сгоняй лишний жирок. Чтобы мне потом тебя с одышкой пинками по чаще и буреломам не подгонять, добро?

— Князь, обижаешь, я вообще-то в парке бегаю каждое божье утро, — картинно, с напускным возмущением надулся Сергей, хотя по глазам было видно, что шутку оценил.

— Ты меня прекрасно и с первого раза понял, Серёга, — я опасно прищурился, глядя ему прямо в переносицу. — Увижу на марш-броске, что функционально не готов — без обид, закрою дверь и брошу на этой стороне. На ту не возьму в качестве обузы.

Ребята синхронно переглянулись, обменялись быстрыми, понимающими, чисто фронтовыми ухмылками и разом, будто по беззвучной команде «К бою!», уставились на меня хитрыми глазами.

— Командир, мы же тебя, чертяку, не первый десяток лет знаем. Давай колись, ты ведь сто процентов уже в своей седой голове что-то глобальное, масштабное и запредельное придумал? Не просто так ты списки составляешь.

— Точно сговорились за моей спиной, архаровцы, — беззлобно, по-стариковски проворчал я, но спорить не стал. Наш отряд снова дышал как один организм.

Мы дружно, в голос заулыбались, разом сбрасывая с плеч последние остатки гнетущего, плотного дневного напряжения. Я снова взял квадратную бутылку и аккуратно наполнил бокалы коньяком до половины. Подняли на уровень глаз, молча выпили, коротко закусили пиццей. Мужской консилиум на базе был официально завершен, впереди ждала работа.

— Ладно, слушать сюда, господа заговорщики, — я медленно покрутил в пальцах пустой хрустальный бокал, ловя блики от уличного фонаря за окном.

— Есть у меня одна шальная, но абсолютно рабочая идея... Как вы, например, смотрите на то, чтобы построить там, за невидимой чертой портала, закрытый, автономный коттеджный городок повышенной комфортности? Своё собственное, ни от кого не зависящее укрепленное поселение.

В комнате мгновенно повисла немая сцена. Мужики замерли с открытыми ртами, уставившись на меня, словно рыбы, внезапно выброшенные прибоем на песчаный берег. Интрига Князя превзошла все их самые смелые ожидания.

— Ротики-то прикройте, архаровцы, сквозняк в квартире поднимете, — хищно усмехнулся я, наслаждаясь произведенным эффектом. — Вот сходим сейчас вдвоем на две недели в разведку, осмотримся детально на местности, с тамошней Чаяной и уцелевшими древлянами окончательно договоримся, выберем плацдарм поудобнее у реки. Через мою основную базу в лесу и минные завалы тащить стройматериалы и снабжение — гиблое дело, ноги переломаем и технику пожжем. А вот совсем рядышком с моим схроном, в нашем времени, есть полузаброшенное село в глухомани, в самом тупике разбитой трассы. Там сейчас всего несколько стариков свой век тихо доживают, глушь полная. Я у них во

дворе обычно свою рабочую внедорожную машину и оставляю, когда на пару недель в леса ухожу. Привезу дедам продуктов коробками, подкормлю за аренду сарая. Там места дикие, никому в Киеве не нужные, земля в тех краях копейки стоит. Прикупим через подставные фирмы пару гектаров под благовидным предлогом и развернемся там по-взрослому. Построим ангары, глухой забор. Шлюз будет защищен с двух сторон.

— Князь... Ну у тебя, как обычно, планы какого-то космического, геополитического масштаба, — выдохнул наконец потрясенный Док, качая головой.

— Серёга, а я тебя, что ли, первый день на этом свете знаю? — я перевел выразительный, тяжелый взгляд на медика. — Если там, на той стороне речушки X века, действительно бьет уникальная природная аномалия, которая за сутки поднимает на ноги безнадежных онкобольных и запускает тотальную регенерацию клеток, ты же с меня первого живым не слезешь. Будешь умолять пустить тебя к исследованиям этого чуда, как ученый. Я про Механика вообще молчу — вспомни, Мех, на скольких искалеченных, обгоревших детишек ты в наших полевых госпиталях насмотрелся, пока мы там на кавказских рубежах воевали? Сколько пацанов мечтали вернуть руки и ноги? Или я сейчас в чем-то фундаментально не прав?

Оба друга мгновенно притихли, опустив глаза, и синхронно, согласно кивнули. Крыть им было абсолютно нечем — я бил наотмашь, по самым живым, кровоточащим струнам их офицерских душ.

— А теперь включите на полную мощность свое тактическое мышление и представьте на секунду: когда обо всем этом феномене станет доподлинно известно наверху, в нашем цивилизованном мире... А оно рано или поздно, при малейшем проколе, обязательно станет известно ведомствам. Что тогда начнется? Какая за этим деревянным посохом кровавая охота откроется? Какие государственные структуры или транснациональные корпорации нас под ноль зачистят, вместе со всеми родственниками, чтобы наложить лапу на источник вечной молодости и биологического бессмертия? Ну что, господа офицеры, взбледнулось со страху? Ото ж то и оно. А вы говорите — сразу дочку через портал тащить вслепую... Действовать нужно в сто раз тоньше, ювелирно. И вот тут мне позарез понадобится авторитет Дока. Ты, Серега, под моим официальным финансовым меценатством откроешь на купленной мной лесной земле закрытую частную клинику «для своих». Где на бумаге, по отчетам для Минздрава, будешь лечить богатых людей ультрасовременными экспериментальными методами, а на деле — совершать те самые чудеса регенерации на той стороне портала. Полная легализация притока припасов и медикаментов в двадцать

первом веке.

В комнате повисла вязкая тишина, нарушаемая лишь тихим гудением холодильника на кухне. Воздух казался спертым, насыщенным запахом табака и остывшего кофе. За окном Киева уже стемнело, за стеклом плескался дождь — тот самый бесконечный киевский холод, который проникает под кожу и оседает в костях. Мы сидели не просто как коллеги, а как люди на краю пропасти, где одна неверная цифра в бюджете или одно лишнее слово могли стоить нам не просто свободы, а самой жизни.

— Командир... Ты сейчас это всё на полном серьезе говоришь? У тебя реально есть схема? — Андрей подался всем корпусом вперед, в его воспаленных глазах звенел чистый, фанатичный восторг. Он наконец увидел четкий маркер спасения Алины.

Его движения были резкими, почти неестественными для человека в гражданской одежде — привычка к тактической готовности. Он сжал кулаки на коленях, чувствуя, как под ногтями хрустят костлявые суставы. Для него эта схема была не просто планом, а единственной ниточкой Ариадны в лабиринте абсурда.

— А почему нет? Какие противопоказания к операции?

— спокойно пожал я плечами, откидываясь на спинку кресла.

Мне было физически тяжело держать осанкой прямую линию, но я привык контролировать даже свое дыхание. Внутри все сжалось в ледяной комок, но лицо оставалось маской безразличного спокойствия. Я смотрел на них, анализируя каждый микродвижение: расширение зрачков Андрея — это надежда, сжатые губы Дока — скепсис и страх перед неизвестностью.

— Так ведь для такого масштабного дела... люди нужны проверенные, целая рота строителей и инженеров. А главное — деньги сумасшедшие, миллионы долларов! — Мех растерянно развел руками, возвращаясь к технической реальности.

Он встал и начал нервно ходить по комнате, его ботинки скрипели на паркете. Этот звук напоминал мне о хрупкости нашего положения в современном мире, где каждый шаг отслеживается камерами и банковскими транзакциями.

— На какие шиши мы эту землю официально купим и стройку века в глуши затеем? У нас таких бюджетов в карманах отродясь не водилось.

Я хитро, по-волчьи прищурился, глядя на притихших, лоящих каждое мое слово боевых товарищей:

— Вы ведь, мужики, наверняка слышали обо мне в нашем старом отряде одну занятную, бородатую легенду? Ну, байку эту известную, которую прапорщики в курилках травили

В памяти всплыли картинки прошлого: дымные вагончики, смех уставших бойцов после тяжелых рейдов. Те времена казались теперь далеким сном, но эхо того времени сейчас могло стать нашим спасением.

— Это про твой личный, забитый до потолка золотой вагон, который ты в ходе прошлых кампаний где-то в кавказских горах надежно заскладировал? — быстро, с горящими глазами подхватил Андрюха.

Его голос дрогнул от возбуждения, как если бы он только что нашел клад в развалинах древнего храма.

— Ну, целого железнодорожного вагона у меня в наличии, положим, нет, — я улыбнулся самой доброй, понимающей своей улыбкой, от которой у молодых лейтенантов обычно холодело внутри. — А вот на хорошую, увесистую армейскую тележечку чистого золота в банковских слитках высшей пробы — вполне себе наскребу в тайниках. Для покуп-

ки земли и ангаров хватит с лихвой, еще и на дизель-генераторы останется.

— Так это... это что, звенящая правда была?! Не армейский фольклор?! — буквально выдохнул потрясенный Андрей, судорожно хватаясь пальцами за деревянный край стола.

Док сидел рядом с ним, распахнув глаза до размеров чайных блюдец, и молча, судорожно пытался переварить услышанное. Весь его скепсис цивилизованного человека сейчас окончательно капитулировал перед реальностью. Его лицо, обычно спокойное и интеллектуальное, исказилось гримасой шока. Он пытался примирить в голове образы строгих отчетов и этой дикой, почти сказочной правды.

— Я никогда этого глупого слуха среди бойцов особо не опровергал, — спокойно, размеренно констатировал я, делая маленький глоток.

Жидкость скользнула по горлу, согревая изнутри. Я смотрел на них с высоты своего опыта: они жили в мире правил и логики, а я научился выживать там, где логика кончается у края обрыва.

— Да и вы сами вспомните: сколько раз за последние го-

ды я лично вам обоим помогал с крупными деньгами в самые тяжелые, тупиковые моменты жизни? На покупку квартир, на закрытие внезапных долгов, на сложные медицинские операции... Откуда, по-вашему, эти финансовые дровишки в моей кассе вечно брались? Из казенных командировочных и скромной ветеранской пенсии, что ли? Включайте логику.

Мех замолчал, его взгляд устремился в точку на стене, где отбрасывала тень люстра. Он считал цифры в уме, пытаясь найти рациональное объяснение иррациональному.

— А другие рассказы Ну, про твои секретные заначки со спецназовским оружием и снаряжением по всей стране, командир?.. — с новой отчаянной надеждой закинул хитрую тактическую удочку Мех.

— Ну, вам прям сразу все карты на стол вынь, да еще и свежий мед большой ложкой подай, — весело рассмеялся я, качнув седой головой. — Много будете знать — быстро состаритесь, бойцы. Хотя нам с вами на той стороне портала это теперь вроде как вообще не грозит.

Я почувствовал, как напряжение в плечах немного спадает. Мы перешли черту от теории к практике, и теперь оставалось только доверие.

— Тогда наливай, Командир! По полной! За такое невероятное кино грех не выпить! — Андрюха решительно, с металлическим стуком придвинул пузатые бокалы к бутылке.

Звук стекла о стекло прокатился эхом, словно выстрел стартового пистолета.

Дальше у нас пошла обычная, удивительно теплая, искренняя мужская беседа — вспоминали былые боевые выходы, поминали погибших общих друзей, травили старые армейские анекдоты и байки из госпитальной жизни. Плотное, гнетущее напряжение наконец полностью, без остатка отпустило наш маленький отряд. Важное решение было принято единогласно, стратегическая цель ясна, материальные ресурсы имелись в избытке. Колеса истории закрутились.

За окном дождь усилился, барабания по стеклу с такой силой, словно природа пыталась пробиться внутрь. Но внутри было тепло и безопасно — пока что. Мы пили, смеялись, но в глазах каждого читалась новая серьезность — осознание того, что завтра все изменится.

И уже в самом конце затянувшегося вечера, провожая изрядно захмелевших, уставших, но абсолютно счастливых друзей в темную прихожую, я аккуратно придержал их за

локти у самого порога и выдал последнее, жесткое командирское указание:

— Так, мужики, и последнее. Внимание на меня. Начиная с завтрашнего утреннего дня — бриться старыми станками полностью прекращаем. Наглухо. Отращиваем густые, окладистые мужские бороды. Если этот чертов деревянный портал у реки сработает на вас двоих точно так же, как и на меня, и в первые же сутки скинет вам по тридцать лет биологического возраста... Нам нужно будет хоть как-то прикрыть свои внезапно помолодевшие, гладкие физиономии от знакомых в городе и коллег в клинике. Седые, белые бороды хоть немного скомпенсируют этот пугающий эффект омоложения для окружающих обывателей в двадцать первом веке. Скажем всем, что имидж сменили на старости лет. Всё, вводные получили. Свободны, господа офицеры. Разъезжаемся по домам и скрытно готовимся к первому выходу в десятый век.

Дверь захлопнулась, отрезая меня от их мира на время до первого шага в небытие. Я остался один, и тишина квартиры вновь стала давящей. Но теперь она не пугала — я знал, что делать дальше.

Глава 6. Село на краю мира.

Три недели пролетели в бесконечных делах, скрытных тактических сборах и утомительных, но необходимых гражданских заботах. Это было оперативное время, отмеренное не часами на циферблате, а нервами и решимостью. Я успел полностью утрясти все свои финансовые и логистические вопросы в городе, обналичив нужные суммы через проверенные каналы, чувствуя на кончиках пальцев холод купюр — единственное реальное богатство в грядущей неизвестности.

А мужики — соорудить для своего семейного и рабочего окружения железобетонные, не вызывающие подозрений легенды о «диком» экстремальном отдыхе в глухих лесистых краях, где сотовая связь не ловит в принципе. Это была их броня против любопытства коллег и тревоги близких. И Док, и Мех за эти дни успели прилично обрости густыми, плотными бородами с благородной проседью — маскировка первого уровня была готова.

Вся дорога из Киева до затерянного в глухой чащобе села прошла в абсолютной, звенящей тишине. Это молчание бы-

ло тяжелым, густым, как туман над болотами Полесья. Каждый из нас был глубоко погружен в собственные непростые мысли, переваривая масштаб грядущего исхода.

Мой старенький, изрядно потрепанный в экспедициях, но намертво надежный черный «Чероки» бодро преодолевал сначала ровный весенний асфальт пригородной трассы, где шум мегаполиса еще казался близким и знакомым. Но вскоре асфальт сменился, и машина уверенно, мощно ревя мотором, начала месить глубокую, раскисшую лесную грунтовку. Грязь брызгала на стекла черными пятнами, а под колесами хрустели сухие ветки и ломались мокрые корни. Этот глухой, петляющий между вековыми соснами маршрут был намертво зафиксирован как в моей памяти, так и в безотказных механизмах внедорожника. Мы пробирались в самый тупик цивилизации, оставляя позади свет фонарей и сигналы связи.

Вскоре мы уже сидели в просторной, пахнувшей сухими травами и печным дымом избе у деда Вани. Воздух здесь был густой, пропитанный запахом копченого сала и старого дерева. Неторопливо пили из пузатых кружек крепкий, ароматный чай, чувствуя, как тепло растекается по венам, немного снимая напряжение.

По случаю нашего внезапного приезда в доме бывшего

председателя собралось практически всё уцелевшее местное население — сам крепкий хозяин и аж три его единственные престарелые соседки. Старики разглядывали нас с нескрываемым, мудрым и очень проницательным деревенским прищуром. Их глаза, помнившие советские годы, видели суть вещей лучше любых радаров.

Баба Матрёна то и дело косилась на мою кепку, силясь рассмотреть лицо под козырьком. Её взгляд цепко скользил по моим плечам, оценивая осанку и напряжение мышц. Я чувствовал этот взгляд затылком — холодный, оценивающий луч прошлого века, который пронизывал мою современную броню. В этой избе время казалось застывшим, а мы — чужаками из другого измерения, готовыми шагнуть в бездну.

— Да спрашивай уже, Володя, спрашивай, не томи, — мягко, с певучей интонацией нарушила затянувшееся молчание баба Матрёна, внимательно всматриваясь в мои внезапно разгладившиеся черты лица. — Ведь видим все по глазам твоим, что гложет тебя что-то серьезное, мучит, думаю какую-то плотную думаешь. Не чужие ведь за столько лет стали, сколько ты у нас тут останавливался.

Пар от чая поднялся вверх, смешиваясь с холодным воздухом притворенной двери. Кружка была тяжелой, глиня-

ной, и тепло от нее медленно проникало сквозь ладони в замерзшие пальцы. Я старался, чтобы голос звучал ровно, без той нервной дрожи, которая всегда появляется в горле перед важным признанием.

— Вот, хочу спросить у вас совета, — я аккуратно, без стука поставил горячую кружку на чистую домотканую скатерть и обвел стариков прямым взглядом. — Как вы посмотрите на то, если мы здесь, у вас в селе, всерьез и надолго жить устроимся? Построим новые дома, ангары под технику, люди в наши края начнут потихоньку приезжать, обживаться... Земля-то у вас тут пустует, зарастает бурьяном. Вот со мной Сергей — он доктор от Бога, хирург высшего класса, мы хотим тут медицинский центр экспериментальный открыть. К нему пациенты со всей страны потянутся, дорогу сюда накают. Что скажете на такую перспективу? Нам ваше официальное добро нужно, как хозяев этой земли.

Я произносил эти слова медленно, тщательно выбирая каждое слово так, чтобы оно звучало для них понятно и весомо. «Ангары», «техника» — эти понятия могли вызвать страх или недоверие, но я делал ставку на их усталость от одиночества и заброшенности.

Старики в просторной избе удивленно, ошарашено переглянулись. Дед Ваня мгновенно посерьезнел, помрачнел ли-

цом, медленно перевел плотный взгляд на своих притихших старушек, а затем веско, с нажимом посмотрел на меня:

— Говоришь, люди жить здесь будут, Володя? Село наше заброшенное, выходит, снова задышит, не умрет окончательно, не зарастет бурьяном? Ну что, старые, скажете? Пусть городские у нас тут устраиваются, ангары свои ставят?

В его голосе прозвучала не столько радость, сколько опаска. Он боялся перемен так же сильно, как я когда-то боялся потерять свою обычную жизнь в Киеве. Но за этой опаской стояла глубокая, почти детская надежда на то, что их не забыли.

— Если село наше глухое дальше жить будет, я лично только за, — тихо, певуче отозвалась баба Маша, дрожащей рукой поправляя выцветший платок на голове. — Да и сколько нам, старухам, тут вековать-то в одиночестве осталось? Год, два — и на погост. А так хоть голоса человеческие вокруг на улицах зазвучат, детишки побегут. Живая душа рядом.

Ее слова ударили меня прямо в сердце. Я вспомнил свои прогулки по ночному Киеву, где вокруг миллионы людей, но никто не знает имени соседа. Здесь же отсутствие живых душ было физически ощутимым давлением, вакуумом тишины.

Остальные бабушки в избе дружно, согласно закивали седыми головами, утирая кончиками платков внезапно набежавшие слезы.

— И что конкретно тебе от нас надобно, Володя? Какие бумаги? — прищурился дед Ваня, упираясь крепкими ладонями в колени.

— Я хочу прямо за официальной границей села, там, где старые колхозные пай пустуют, построить небольшой закрытый коттеджный городок повышенной комфортности, — принялся я размеренно разворачивать свой тактический план легализации шлюза. — Конечно, ворочать плотные бревна и месить бетон сами не будем, найдем строительную технику, подрядчиков из города, людей привезем. Стройка в лесу развернется большая, шумная. Но если вам новые дома понравятся — я и вам четверым по современному, теплomu коттеджу на месте ваших развалюх подниму, со всеми удобствами, паровым отоплением и водопроводом. За мой счет, под ключ.

Я представлял себе этот будущий городок: современные стены среди леса, электричество там, где его не было десятилетиями. Это был мой способ выкупа своей безопасности и легальности в этом мире, который мне становился чужим.

— И с чего бы вдруг такая барская, миллионная щедрость к чужим старикам, Володя? Где тут подвох? — с легким, закономерным деревенским подозрением спросил дед Ваня, вглядываясь в мое лицо под козырьком кепки.

Он не верил просто так. Его интуиция, отточенная годами выживания в суровой реальности, подсказывала ему, что за таким подарком скрывается цена. И я не стал его обманывать.

— Здесь дело вовсе не в богатстве и не в благотворительности, дед Ваня, скрывать не стану, — честно, жестко ответил я, глядя прямо в его выцветшие, мудрые глаза. — У Андрея, вот у Механика моего, единственная дочь тяжело больна. Рак, четвертая стадия. И если те уникальные медицинские результаты, которые Сергей надеется получить в этих лесных краях, подтвердятся... а мы на это все трое очень, очень сильно надеемся... девчонка полностью поправится. Станет здоровой. Значит, есть огромный, шкурный смысл всю эту стройку века затевать. Да и у Сергея пациентов, которым официальная гражданская медицина уже подписала смертный приговор, всегда хватает. Будем вытаскивать людей с того света.

В комнате повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь по-

трескиванием дров в печи. Я видел, как их лица меняются: от недоверия к сочувствию и пониманию. Баба Маша перекрестилась, её губы беззвучно зашевелились в молитве.

— И много ты построить-то здесь хочешь, Володя? Каков масштаб?

— Для начала домиков тридцать каркасных и отдельный лечебный корпус для приема, диагностики и реабилитации плотных пациентов. Откроем всё это дело под официальной вывеской частного санатория закрытого типа для элиты. А основная часть коттеджей пойдет под постоянное проживание обслуживающего персонала, инженеров и нашей собственной вооруженной охраны. Если дело пойдет успешно — будем расширяться, выкупать дальние паи и достраивать новые ангары.

Я произносил слова «вооруженная охрана» спокойно, но видел напряженные мышцы на шее деда Вань. В их мире оружие было редкостью и опасностью, но они понимали: в лесу без защиты не выжить.

— Да уж, Володя... ты точно по жизни не мелочишься, — потрясено покачал головой старик, поглаживая седую бороду. — Санаторий, говоришь... Охрана... Персонал...

Старики снова беззвучно переглянулись между собой, согласно о чем-то покивали своими потаенными мыслями. Железный отцовский аргумент про больную девочку перевесил любые сомнения.

— Наш Князь вообще планетарный размах любит, у него по-другому в жизни не бывает, — не удержался и с хитрой ухмылкой вставил свои пять копеек Док, выразительно подмигнув Меху.

Его шутка разрядила обстановку, добавив в серьезный разговор нотку уважения и восхищения.

— Как, как ты его сейчас назвал?.. Князь? — дед Ваня искренне, от души усмехнулся, его густые прокуренные усы забавным образом зашевелились на заветренном лице. — Ну это ты, Сережа, точно приметил. Замашки у Володьки нашего всегда были чисто княжеские, масштабные. И сколько же нашему новоявленному князюшке лесной землицы-то для начала надобно под его новую вотчину?

Он произнес слово «князь» не как насмешку, а с какой-то древней, почти мистической серьезностью.

— Гектаров пять-десять для уверенного старта нам вполне хватит, — в тон ему, с улыбкой ответил я под дружный,

заливистый смех притихших на печи старушек. — А как королевство со временем маловато станет — расширим границы дальше, до самого горизонта.

Мой ответ вызвал новый всплеск смеха и одобрения. В этот момент я почувствовал, как тяжелый камень на душе перед будущим чуть-чуть полегчал. Мы нашли общий язык, мы заключили негласный договор с этим местом и его жителями.

Это пилотные главы данного романа, жду ваши комментарии.

"Уважаемые читатели! Если вам интересен роман, обязательно нажмите кнопку "Мне нравится" и добавьте книгу в библиотеку и обязательно подпишитесь на автора, то бишь меня. Это очень поможет развитию истории! Спасибо!"

Глава 7. Скала Акелы.

На этой теплой ноте мы и разошлись по отведенным углам. Ранним утренним часом, когда блеклое весеннее солнце еще даже не думало показываться из-за зубчатой стены далекого горизонта, дед Ваня бесцеремонно, по-хозяйски поднял нас троих с постелей, громко постучав костяшками пальцев по деревянному косяку:

— Пойдемте-ка на улицу, молодежь городская, покажу вам кое-что интересное, пока туман с низин не сошел. А потом уже на скорую руку позавтракаете и побежите по своим секретным лесным делам.

— А чего это мы сразу побежим-то, дед Ваня? Мы вроде чинно прогуляться планировали, — сонно, хрипло проворчал Док, кутаясь в куртку и с трудом натягивая жесткие тактические берцы со сна.

— Так ваш Командир пешком только у нас в хатах и ходит, чин из себя строит, — беззлобно, с доброй подначкой подколот старик, запахивая поношенный ватник. — А как за крайнюю околицу в чащобу выйдет, так его только бегом и видели... Юный сайгак, прости господи, фиг догонишь. Носится по буреломам неделями, будто у него мотор в одном месте вставлен.

— Ну, этот-то ладно, Князь у нас мужик двужильный, а сейчас он вообще здоров и крепок как — Док внезапно осек-

ся на полуслове, подавившись собственной фразой. Он наткнулся на мой ледяной, плотный, предупреждающий взгляд из полумрака прихожей и благоразумно, мгновенно прикусил свой длинный язык.

Медицинская болтливость была сейчас смертельно опасна. Слишком детальные расспросы и лишние разговоры о моем феноменальном биологическом омоложении деревенским старикам были абсолютно ни к чему — меньше знают, крепче спят, да и нам спокойнее.

Через пятнадцать минут мы уже споро, слаженно шагали гуськом совсем в противоположную сторону от моих привычных лесных троп и кордонов. Мне за все долгие годы моих одиночных рейдов как-то ни разу не приходилось бывать в этом конкретном квадрате, да и нужды особой не возникало. Но спустя еще десять минут плотного марш-броска мы неожиданно уперлись в массивные, густо покрытые ржавчиной железные ворота. Сверху на них уныло, на одном ржавом гвозде колыхалась полусгнившая фанерная вывеска с едва различимыми блеклыми буквами: «Детский оздоровительный лагерь "ДРУЖБА"». Если бы старик не привел нас сюда лично за руку, этот скрытый вековыми соснами объект ни за что нельзя было заметить в густом лесу. На современных гражданских спутниковых картах его тоже давно не значилось — списали и забыли.

— Ну вот и пришли, чего застеснялись-то на пороге? Проходите, не бойтесь, осматривайтесь, а я вас тут пока одних

оставлю, — дед Ваня дружелюбно махнул рукой в сторону заросшей молодой порослью центральной аллеи. — Вы погуляйте по территории, прикиньте своим инженерным умом что к чему, а потом возвращайтесь к нам с бабками в избу. Покушаем горячего по-человечески и поговорим обо всем без лишней спешки.

— Дед Ваня, погодите секунду, — окликнул я уже разворачивающегося спиной старика. — Подскажите, пожалуйста, а на территории самого лагеря нет ли какой-нибудь приметной природной достопримечательности? Ну, скалы открытой, оврага или крупного валуна?

— Как не быть, есть у нас такая достопримечательность, знатная, — обернулся дед, хитро прищурившись. — Детишки в советские годы, когда в индейцев тут играли, называли её «Скала Акелы». Найдете её аккурат посередине центральной опушки, между бывшей столовой и клубом, мимо точно не пройдете. — И, развернувшись, старик неторопливо, мерно опираясь на палку, пошагал обратно в сторону вымирающего села.

Сам лагерь оставлял после себя гнетущее, сиротское и какое-то щемящее впечатление заброшенной цивилизации. Вся обширная территория наглухо заросла диким кустарником, малинником и молодым березняком, пробивавшим старый асфальт тротуаров. Одноэтажные деревянные домики отрядов слегка покосились от времени, зеленая и синяя краска на них облупилась пластами, обнажая серое дерево.

Конечно, до полного разрушения и гниения тут было еще очень далеко — советский плотный брус и кирпичные фундаменты держались крепко, на совесть, но четверем престарелым людям смотреть за таким огромным хозяйством было попросту физически не под силу.

— Так, мужики, — я повернулся к замершим в удивлении друзьям. — Вы пока здесь побродите по корпусам, осмотритесь внимательно, оцените инженерным взглядом масштаб разрушений и крепость крыш, а я сейчас быстро, одна нога здесь — другая там, прибегу. Мне нужно кое-что забрать из машины.

Сделав короткую, легкую пробежку назад к селу, я за пару минут заскочил к дедову дому, открыл багажник «Чероки», забрал свой рейдовый рюкзак и верный деревянный посох, надежно упакованный в плотный брезентовый чехол. Ходить с пустыми руками в этих диких, пусть и заброшенных краях мне было уже чисто физически некомфортно — въевшаяся в подкорку за годы войн привычка диверсанта требовала оружия или инструмента в ладонях.

Когда я пружинящим шагом вернулся на центральную опушку лагеря, товарищи уже стояли возле «Скалы Акелы» — массивного, обросшего серым лишайником и зеленым мхом гранитного выступа, уходящего глубоко в землю. Мех и Док с профессиональным, жгучим интересом рассматривали этот древний, монолитный камень, явно прикидывая его как идеальный ориентир.

— Док, как думаешь, зачем Князю вообще эта замшелая скала понадобилась? — донесся до меня недоуменный, приглушенный голос Андрюхи.

— Вот ты, Мех, как в сложных железках, проводке и дизельных моторах ковыряться — так у тебя голова как компьютер варит, а как нужно чуть в сторону от привычного шаблона отойти, так сразу лень мозгами пошевелить! — нравоучительно, с профессорскими нотками отозвался Сергей, поправляя ляжку куртки.

— Ну чего ты сразу «лень-то»? Нормально же спросил.

— Да всё же элементарно, Мех! Командир хочет использовать этот массивный, уходящий глубоко в землю гранит как четкий, неразрушимый природный ориентир на местности в нашем времени. Но вот главный тактический вопрос, который меня мучает — как эту самую скалу потом с точностью до сантиметра отыскать в зеркальном, диком лесу на той, древней стороне?... Там-то ведь никакого лагеря нет и в помине.

Вынырнув из густых, влажных кустов дикого малинника, я бесшумно зашел со спины и крепко, по-медвежьи приобнял обоих друзей за широкие плечи:

— А если немного включить логику и подумать обоим?.. Ну ладно, ладно, не напрягайте раньше времени извилины, стратегии лесные.

Я аккуратно сбросил на мокрую траву свой плотный рейдовый рюкзак, расстегнул молнию и извлек на свет несколь-

ко компактных, ударопрочных пластиковых коробочек армейского образца.

— Помните, в советские времена была такая замечательная, культовая военно-спортивная игра — «охота на лис»? Радиопеленгация.

— Радиопередатчики! — первым сообразил Андрей, и его глаза азартно, по-мальчишески блеснули под козырьком бейсболки. — Закладываем автономный маяк-«лису» у скалы, а на той стороне ловим сигнал приемником!

— А ты, Док, говорил, что у нашего Механика мозг думать не хочет, — хищно усмехнулся я, довольный скоростью его реакции.

Следом за приборами я достал из глубин рюкзака два вороненых пистолета «Грач» с запасными, снаряженными под завязку магазинами, плотные боевые ножи в пластиковых ножнах и по паре наступательных гранат на брата. Разведка разведкой, но идти в неизвестность без свинцовых аргументов я не собирался. Андрюхе я протянул его любимый, проверенный временем, компактный АКС-74У со сложенным рамочным прикладом.

— Надеюсь, еще напрочь не забыл за годы мирной жизни, с какой стороны у этой игрушки предохранитель снимается, Мех?

Андрей ласково, с какой-то особенной, чисто мужской воинской нежностью провел широкой мозолистой ладонью по холодной вороненой стали автомата, привычно проверил ход

затворной рамы и искренне, открыто улыбнулся мне:

— Такое не забывается, Командир. До самой гробовой доски в подкорке сидеть будет.

Док молча принял свой «Гроч», ловко проверил патронник и посмотрел на меня со всей серьезностью, на какую был способен в своей медицинской жизни:

— Что, Князь... Рубикон пройден. Прямо сейчас, без раскочки, на ту сторону пойдём?

— Пойдем, но двигаться максимально споро и очень быстро, — жестко отрезал я, перехватывая поудобнее плотное древко. — У нас сейчас чисто технический выход, боевую задачу никто не ставил. Оперативно заложим наши радиоигрушки — и сразу назад, в двадцать первый век. Одну «лису» вмонтируем прямо в эту скалу, вон та глубокая вертикальная трещина в граните явно старая, тектоническая, она со сто-процентной гарантией и на той стороне должна быть в точности такой же. И еще парочку дублирующих маяков раскидаем в шаговой доступности для жесткой подстраховки. Так, бойцы, отошли от гранита на два шага назад. Готовы?

Док серьезно кивнул, Мех покрепче перехватил рукоять своей короткой «Ксюхи». Я с силой, всем весом вогнал острое основание деревянного посоха в сырую лесную землю прямо перед собой, мысленно концентрируясь на том, чтобы пространственный переход получился компактным, чисто штурмовым — буквально два на два метра в диаметре.

Воздух перед нашими глазами привычно, с тихим хлоп-

ком по ушам пошел плотной зеркальной рябью, густое марево задрожало, и сквозь соткавшуюся серую дымку открылся ровный овальный проход в чужое лето. Первым, низко пригнувшись, внутрь проскочил я, держа наготове свой плотный «Печенег». Мех заскочил следом за моей спиной через долю секунды, мгновенно тактически уходя в сторону и бережно беря под жесткий прицельный контроль правую, потенциально опасную зону.

— Чисто! — коротко, на выдохе высказал он, сканируя через оптику густые папоротники.

— Чисто, — подтвердил я, плавно опуская ствол.

Я дал короткую отмашку левой рукой, и в вибрирующий створ портала осторожно, стараясь не шуметь, вошел Док. Оказавшись на той стороне, на диком холме, наш медик замер, замороженно огляделся по сторонам, сделал глубокий, жадный вдох, затем медленный выдох и негромко выдал:

— Лепота-а... Храни меня Бог, мужики, здесь дышится как-то совершенно иначе. Легче, свободнее, будто из легких разом всю многолетнюю городскую копоть, свинец и смог мегаполиса вытряхнули. Словно помолодел за секунду.

— Так, Медведь, хорош тут лирику разводить, некогда воздух дегустировать. Быстрый круговой осмотр и оперативно ищем места для закладок, — скомандовал я, контролируя опушку.

Три минуты слаженной, привычной по прошлым операциям работы — и техническое дело было полностью сдела-

но. Первую герметичную пластиковую «лису» мы надежно, с помощью ножа заклинили в глубокой трещине точно такого же гранитного выступа, уходящего здесь в вековой мох. Второй передатчик Док ловко, со знанием дела пристроил в неприметное, заросшее дупло старого могучего дуба, а третью «лису» мы намертво замаскировали в густых колючих кустах дикого шиповника.

Пока мужики профессионально возились с маскировкой маяков, я медленно, по широкой дуге обошел наш пространственный переход с тыльной, обратной стороны. Удивительное, запредельное дело: если заходить к работающему порталу сзади, его физически не существовало в природе от слова «вообще». Воздух оставался абсолютно прозрачным, хрустальным, ты просто свободно проходил сквозь это мистическое место ногами, даже ничего не замечая вокруг. Настоящая невидимая дверь в один конец, тактическая ловушка.

Я достал из нагрудного кармана разгрузки компактный радиоприемник-пеленгатор, щелкнул тумблером и последовательно переключил три диапазона частот. Стрелка прибора качнулась, наушник отозвался писком — все три цели отслеживались идеально и выдавали уверенный, ровный, стабильный сигнал. Хроно-координаты шлюза были намертво зафиксированы нашей электроникой. Наш путь к цели теперь был надежно застрахован техникой двадцать первого века.

Я подал парням четкий знак рукой: «На выход». Первым

назад в портал шагнул Док, вторым пошел я, а Андрюха, как и положено опытному, матёрому замыкающему разведгруппы, уходил последним, пятясь спиной и до конца прикрывая наши тылы стволом автомата. Переступив черту, я резким, сильным движением вытянул деревянный посох из податливого лесного грунта.

Яркая, сочная картинка первозданного древнего леса десятого века мгновенно, в микросекунду испарилась без следа, сменившись привычным, унылым и серым пейзажем заброшенного советского лагеря «Дружба». Мы вернулись.

Док обессилено, плотно присел на какой-то поваленный, покрытый мхом ствол ели:

— Да уж... А там, на той стороне, действительно дышится в разы легче, мужики. Тело само по себе как будто расправляется, связки отпускает.

Андрюха согласно кивнул, утирая рукавом проступивший на лбу пот после штурмового марш-броска. При этом Сергей удивленно и очень внимательно рассматривал свои широкие ладони, быстро перебирал пальцами перед глазами и чему-то довольно, загадочно улыбался. Как практикующий хирург, он явно заметил первые микроскопические внутренние изменения в собственном организме — суставы пальцев, обычно ноющие после долгих операций, двигались неестественно легко, без малейшего трения.

— Князь, а что это ты так внимательно высматривал, когда вокруг этой гранитной скалы круги нарезал с линейкой?

— спросил Андрей, заметив мои тактические маневры на той стороне шлюза.

— Решил на практике проверить знаменитый фантастический «эффект бабочки» в действии? — понимающе заулыбался Док.

— Вроде того, — я протянул вперед правую руку в перчатке и продемонстрировал им небольшой, размером с кулак, отломанный кусок серого гранита.

— И когда только успел отломить-то, Командир? — Мех удивленно вскинул брови.

— Ломать — не строить, дело нехитрое, солдатская сноровка, — хищно ухмыльнулся я в ответ.

— Да ладно тебе темнить, Князь, говори уже толком, к чему клонишь? Что затеял? — нахмурился Механик, перехватывая свой автомат.

— Что тут долго говорить... Там точно не наше историческое прошлое в чистом, линейном виде. Вероятнее всего, этот деревянный посох пробил окно в какой-то параллельный, зеркальный мир-двойник. А раз так, то в нем неизбежно есть мелкие расхождения в истории, именах, географии, да и в самой геологии что-то на молекулярном уровне может отличаться. Вот смотрите внимательно сюда, стратеги: этот отломанный мной кусочек камня на нашей, «советской» скале лагеря сейчас абсолютно на месте, можете сами подойти и пальцами проверить — там свежего скола нет, порода ровная. А у меня в руках — точно такой же кусок, но который

я секунду назад прихватил с той стороны, вытащил из древней трещины десятого века. Понимаете, что это значит? Физически это два разных камня на нашей земле, хоть они и абсолютно идентичны. Ткань пространства продублирована.

— Мех, то есть Влад, отдай камушек, я его с собой в лабораторию заберу, — мгновенно загорелся Док, протягивая руку со жгучим блеском исследователя в глазах. — Я в своей клинике, в лаборатории его спектральный состав и плотность проверю, сравню с местным гранитом полесским!

— Док, отставить исследовательский пыл, брось его пока здесь, у самого подножия, в траву, — хладнокровно осадил я медика. — Успеешь еще натаскаться плотностей и хабара через границу, у нас впереди рейды дай боже, пуп развяжется. Лишний груз на марше нам ни к чему.

Сергей недовольно, обиженно зыркнул на меня из-под бровей, но спорить с командирским приказом не стал — аккуратно положил древний скол гранита возле основания скалы. Затем он медленно огляделся по сторонам, уже совсем по-другому, хозяйским взглядом оценивая заросшую, безмолвную территорию детского лагеря «Дружба», и выдал свое резкое, профессиональное резюме:

— Князь, ты, конечно, меня извини за прямоту, но место под секретную клинику-шлюз здесь, в нашем времени, хоть и отличное, полностью изолированное от грибников, но тут же всё советское, дерево прогнило к чертям за тридцать лет. Крыши текут, стены сырые. Тут абсолютно всё под снос пус-

кать надо и отстраивать капитальные кирпичные или бетонные ангары с нуля. Объём работ колоссальный. Стоимость этого строительного проекта в XXI веке будет по-настоящему космической, миллионы гривен уйдут. Потянет ли твоя «тележка с золотом» такую масштабную стройку, Командир?

— Сергей Николаевич, вы же у нас признанное светило медицины, хирург с огромной практикой, — я медленно повернулся к нему, упирая руку в колено. — Вы лучше нас с Мехом должны понимать одну фундаментальную вещь: если здесь, в этой заброшенной лесной глуши, не создать для будущих пациентов достаточных, практически элитных условий для лечения и послеоперационного отдыха, сюда вообще никто из приличных, обеспеченных людей из города просто не поедет. Но во всей этой красивой коммерческой схеме есть одно большое, жирное, тактическое «НО»!

— Да не тани ты резину, Князь, не на полигоне ведь, говори прямо! — нервно передернул плечами Андрей, сжимая в руках автомат.

— Вот скажи мне честно, Андрюха, — я перевел плотный, пронизывающий взгляд на друга, заглядывая ему прямо в измученную отцовскую душу. — Если бы на этом самом месте вообще ничего не было построено? Если бы здесь, во-круг этой Скалы Акелы, осталось всё ровно в таком же ди-ком, первозданном виде, среди болот и буреломов? И жить твоей дочке пришлось бы не в элитном коттедже, а в дырявой армейской палатке на жестком подножном корму, без света

и тепла... но её бы здесь гарантировано, со стопроцентной точностью вылечили от четвертой стадии, спасли от смерти... ты бы согласился здесь жить? И что ты лично готов за это отдать?

— Князь... — Андрей болезненно зажмурился, его лицо судорожно дернулось. — Это удар ниже пояса. Так нельзя.

— И всё же, ответь мне. Без обид и соплей. Ответь как отец.

— Да мне плевать бы было, где жить, понимаешь ты это или нет?! — глухо, со звенящей, первобытной яростью в голосе ответил Механик, и его пальцы побелели на затворе автомата. — Хоть в земляной норе в полной темноте, хоть на сырой, гнилой земле зубами выть! Если будет реальная, осязаемая возможность вытащить мою девочку с того света — мне вообще ничего не жалко отдать. Всё бы отдал, Князь, до последней рубахи, до последнего патрона и капли собственной крови! И думаю, таких отчаявшихся отцов и матерей, как я, по всему нашему гребаному миру сейчас очень много. Бесчисленное, страшное количество.

— Вот тебе, Серёга, и единственный правильный ответ на твой сложный вопрос про элитные удобства и космическую стоимость проекта, — я плавно повернулся к затихшему, опустившему голову Доку. — Настоящим, безнадежным пациентам, у которых прямо сейчас на кону стоит жизнь, глубоко плевать на всю эту внешнюю мишуру, евроремонты и мраморные полы. У них совершенно другие, страшные

проблемы. И молчи, Серёга, я прекрасно знаю, что ты мне сейчас на это хочешь возразить с точки зрения гигиены и санитарии. Да, есть богатые люди, олигархи, политики и чиновники, которые за свое пошатнувшееся здоровье заплатят любые миллионы, любые деньги мира, и под них мы здесь условия со временем создадим, никуда не денемся — стройка и логистика купаться должны, нам нужен легальный ресурс в двадцать первом веке. Но мне лично до этих зажавшихся толстосумов дела нет, пусть платят. А вот таким простым мужикам, честным офицерам, как наш Андрей, помочь хочется в самую первую очередь. Ради этого мы всё и затеваем. И условия для нормального проживания мы здесь со временем поднимем, ангар поставим, и лечебную базу организуем по высшему разряду, Мех вон дизели наладит. Но, господа офицеры, весь этот глобальный, планетарный план мы сможем воплотить в жизнь только в одном-единственном случае: если на этой неделе лично, на практике убедимся, что аномалия деревянного посоха действительно работает на всех без исключения людях. И то, что произошло со мной в малиннике — это не единичный, уникальный случай моей личной мутации. Нам нужна статистика.

Друзья, первая книга полностью бесплатна. Но чтобы не пропустить выход второго тома («Да будет Княжество») и оперативно получать ссылки на новые главы (в том числе на других площадках), подписывайтесь на мой официальный Telegram-канал: **Владимир Пайлодзе | Книжный клуб**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.